

МУСТАФА НЕДИМ

АРМЯНСКАЯ РЕЗНЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Если бы надо было рассказать всю историю замышления и исполнения Геноцида армян в Османской империи в пиковый его период 1880-1920 гг., причем рассказать не сухим языком энциклопедии, а показав через конкретные трагедии конкретных людей, 30-страничные воспоминания Мустафы Недима были бы одними из самых убедительных. С ужасающей простотой изложения Мустафа Недим не просто показал всю трагедию нашего народа, он прямо утверждает, что за эти невиданные и неслыханные злодеяния надо будет отвечать. И если можно как-то отвертеться от ответа перед людьми (как мы знаем, они не отвертелись), то перед Богом ответ держать придется. И неважно, как мы к Нему обращаемся - Господь или Аллах, ибо Аллах так же, как и наш Христианский Господь, не приемлет зла.

Мустафа Недим рассказывает о своей встрече с каймакамом-иттихадистом:

- Я знаю, Вы иттихадист и считаете армян своими врагами. Но скажите мне, ради Бога, какие преступления совершили эти четырех-пятилетние дети? У нас у самих есть дети, каково будет нам узнать в один из дней, что и с ними поступают так же? Если вы верите в Бога, как же вы допускаете, что Ему приятно видеть это; вы уверены, что завтра Он не поступит так же с нашими детьми?

И кто может обещать нам, что наши дети не будут подвергнуты стократно более жестокому обращению?

Кто может заверить, что Господь не покарает нас?

Каймакам-бей! Оставим безнравственную политику правительства, давайте подумаем: если сегодня мы сжалимся над этими невинными детскими душами, может, завтра сжальются над нашими детьми. Вы знаете, ислам считает детей невинными и беспорочными уже из-за их возраста; они, если умрут, то направятся прямо в рай. Как же мы смеем наказывать этих детей, если сам Го-

сподь освобождает их от наказания?”

Мустафа Недим спас этих детей; десятки тысяч других детей спасти было некому. Наоборот, “эти звери, почуявшие запах человеческой крови”, как характеризует своих соплеменников Мустафа Недим, поступили с ними так, как не поступают и самые дикие звери.

В изложении Мустафы Недима проходит целая галерея самых разных типов “зверей в человеческом обличье”, от Кровавого султана Абдул Гамида, его наместников, министров и армейских пашей (воевод) до рядовых жандармов - различие между ними сводилось к разным возможностям - у пашей и визирей их было больше, - но в зверстве они не отставали друг от друга.

Рядом с этими зверями живут люди - о них тоже пишет Мустафа Недим. Их очень мало, они не делают погоды и не способны, - или способны лишь очень незначительно, - повлиять на события, но они есть. И уже их внуки вслед за Мустафой Недимом сегодня требуют в Турции стать лицом к лицу перед своей историей, признать ее и ответить за преступления столетней давности. Ответить, признать, ликвидировать последствия - потому еще, чтобы завтра кто-то другой, какой-то новый зверь, почуявший запах человеческой крови, не поступил бы так же уже с турецким народом и турецкими детьми.

Кому-то такое развитие событий может показаться фантастическим на фоне демонстрируемых сегодня Турцией успехов, при ближайшем рассмотрении оказывающихся пирровой победой. Это и “ноль проблем с соседями”, обратившееся в “ноль соседей без проблем”, и политика Эрдогана, последовательно отказывающегося от светского наследия Кемаля Ататюрка; это и Армянский вопрос, это и Курдский вопрос, а на горизонте уже прорисовываются еще и Ассирийский и Греческий вопросы - их надо решать, резней уже не решить: традиционный турецкий ятаган, дополненный в последнее время топором, здесь бессилён.

Мустафа Недим назвал свои воспоминания “показаниями”. Он стоит перед общечеловеческим судом и дает свидетельские показания о зверствах, чинимых его соплеменниками. Эти показания многократно подтверждаются показаниями других свидетелей, ставших жертвами этой страшной в своей обыденности Трагедии - убийства целого народа. Это подтверждают и Е. Отыян (“Проклятые годы”, и В. Минахорьян (1915 год. Дни ужаса”), и многие другие - армяне и иностранцы, военные и штатские, церковники и миряне. Если провести аналогии с русской литературой, то показания Мустафы Недима не энциклопедическое исследование о Геноциде, подобное работам А.И. Солженицына о ГУЛаге, а “Колымские рассказы” В. Шаламова - страшные в своей конкретике, страшные именно конкретикой - уничтожением личности. Известно: смерть тысяч - статистика, смерть одного человека - убийство.

Недавно в интернете появилось сообщение о некоей НПО “Европейская интеграция”, созданной под английским зонтиком, которая собирает истории спасения армян турками во время Геноцида. “Лучшие” истории они собираются опубликовать на армянском, турецком и английском отдельной трехязычной книгой. На первый взгляд, показания Мустафы Недима им в самый раз, но я сильно сомневаюсь, что они подойдут: им нужен “гуманизм”, не отягченный кровью и убийствами, только положительные эмоции, “гуманизм”, вырванный из истории. Свидетельские же показания Мустафы Недима - человека, прошедшего сорок лет сначала в султанской, а затем иттихадистской ссылке, рассказ не о том, как он спасал армян и почему он это делал, а о том, как армян убивали: методично, буднично и безжалостно, не испытывая никаких чувств, так, как не убивают даже змею.

Мустафа Недим жил так, как подсказывала ему его совесть, без оглядки на кого бы то ни было. Он не оставил своего “списка Недима”, он о нем и не думал, зато сейчас у нас есть надежда на то, что Армянский вопрос будет решен по справедливости. И эту надежду освещает пусть крохотный, но огонек его лампы тоже. Конечно, взывать к совести Эрдогана, Гюля, Алиева и прочих бессмысленно по причине отсутствия оной у последних, но заставить их можно и нужно. В частности, повторюсь, еще и потому, чтобы исключить рецидивы уже в виде турецкого геноцида, от которого никто не застрахован.

Мы не призываем вырезать столько же турок (в пропорциональном отношении), сколько они вырезали нас - этим наших убиенных не вернуть, да и нет этого у нас в крови. Но и простить им мы не сможем никогда. Турки перебили нам хребет, выбросили на обочину цивилизации, отняли у нас Родину, памятники нашей культуры, поставили нас на грань выживания. Этому нет прощения и не может быть; те, кто призывают нас к примирению, пусть поставят себя на наше место - они бы согласились?

Да, кто старое помянет - тому глаз вон, но ведь кто забудет, тому - оба!

РАЗДАН МАДОЯН

МУСТАФА НЕДИМ

АРМЯНСКАЯ РЕЗНЯ

(мои показания)

Предисловие к армянскому изданию (София, 1936)

Мустафа Недим, коренной константинополец, близко и хорошо знавший султана Гаида, Высокую Порту, министерства, армянские области. Бывший секретарь султана Гаида.

В 1880-1908 гг. подвергался преследованиям сначала султана Гаида, затем иттихадистов (*“Иттихад ве теракки” - партия младотурок, организовавшая Геноцид армян. - Р.М.*)

Гуманист и свободолюбец, он был сослан в Тигранакерт, затем Харберд, Измир, Алеппо, Дейр-эз-Зор.

Мустафа Недим подвергался преследованиям не только при Гаиде, Энвере и Талаате, но и при Кемале, который обещал вознаграждение - две горсти золота тому смельчаку-турку, кто принесет ему голову Недима.

Свидетельские показания Мустафы Недима охватывают период 1890-1918 гг., начинаются с описания происшествия у Армянского Патриаршества К-поля и заканчиваются заключением мира.

Аршак С. Чалджян

20 июня 1925 г.

Александрия.

Нет на свете человека, который бы не слышал и не знал об ужасных преследованиях армян турками, преследованиях, заставивших содрогнуться даже камни.

Я рассказываю то, чему лично был свидетелем, то, что я знаю точно и из совершенно достоверных источников. Это знание навсегда связало меня с Армянским Вопросом.

Первый день Курбан-байрама султан Гамид по своему обыкновению проводил во дворце Долмабахче, в Пешикташе.

На Рамазан и Курбан-байрам султан Гамид торжественно переезжал из Йилдызкешка в Долмабахче, где проводил официальные приемы.

Готовиться начинали за несколько дней до Курбан-байрама. Улицы посыпали песком. Собирали и арестовывали хозяев домов и лавок по пути следования султана. Сами помещения тщательно обыскивали. Осматривали и проверяли колодцы и арыки. Искали бомбы.

Утром в день Байрама султан садился в роскошную, необыкновенно пышно украшенную золотом и инкрустациями карету, запряженную четверкой коней. Под бдительной охраной многотысячного войска султан направлялся в Пешикташ, в мечеть Синан-паша. Перед мечетью его встречали выстроившиеся сановники в официальной форме. Султан Гамид заходил в султанскую молельню и делал там намаз.

После намаза садился на коня, которого подводили к дверям султанской молельни. За ним на своих коней садились и сановники. В то время этих сановников была целая армия. Выстроившиеся с двух сторон солдаты и офицеры становились по стойке “смирно”. Процессия направлялась во дворец Долмабахче. Все служащие дворца, независимо от ранга, шли за султаном пешком. Султан Гамид заходил в одну из комнат огромного зала Гуппе-алты.

Сановники, следуя указаниям дворцовых служителей, занимали свои места вокруг трона.

По обе стороны трона и перед ним были разостланы ковры. Сам трон был в виде тахты, позолоченный, украшенный драгоценными камнями, с балдахином. С двух сторон свисали золототканые кисточки.

Гофмаршал или один из министров брался за кисточку. На этот раз ее взял гофмаршал Кази Осман-паша.

За троном выстраивалась дворцовая челядь и секретари.

Губернаторы, действующие и отставные, по старшинству подходили и целовали кисточку.

Духовенство подходило по средней ковровой дорожке; эти вместо кисточки целовали край султанского подола.

После завершения церемонии султан удалялся в свою комнату.

После получасового отдыха он возвращался и снова садился на трон.

Кисточку начинали целовать дворцовая челядь и служащие султанской казны.

Во время этой церемонии одни удостоивались нескольких слов, другие - чина или ордена.

За всем этим по обыкновению наблюдали пребывающие в Стамбуле иностранцы, послы и работники посольств, а также члены их семей.

После того, как сановники, министры и остальные чиновники выражали таким образом свою верноподданность, султан Гамид удалялся на полчаса для отдыха в свою комнату, откуда возвращался для принятия выражения благодарности от остальных присутствующих.

На этот раз, когда церемония еще не была закончена, к султану подошел церемониймейстер Мюнир-паша и что-то зашептал ему на ухо.

Султан Гамид с мрачным лицом прервал церемонию и вышел в свою комнату. Все поняли, что произошло что-то чрезвычайное, из ряда вон выходящее.

Несколько минут спустя за ним последовали глава дворцовых секретарей Сурейя-паша, постельничий Эмин-бей, Ариф-бей и еще несколько близких султану лиц. Пятнадцать минут спустя Сурейя-паша вышел из комнаты, прошел вперед к нам и подозвал меня знаком руки. Я в то время был одним из секретарей султана Гаида и жил в Гумкапы.

Мы, несколько человек, подошли к Сурейя-паше. Паша позвал меня по имени. Я испугался. Подошел.

-Сейчас же езжай в Гумкапы. Узнай, что там произошло. Начальник жандармов Назым-бей уже там, повидайся с ним, разузнай подробности. Его Величество султан ждет известий.

После чего повернулся и вновь вошел в комнату султана Гаида.

Что произошло в Гумкапы? Что я должен расследовать? Начальником жандармов является не Назым-бей, а Кямил-бей. Это опытный, уважаемый человек, настоящий полицейский. После этого происшествия его отстранили от должности и арестовали. Потом сослали в его родной уезд Маниса и назначили на должность. Там он вскоре и скончался. Оставайся он министром полиции, может, и не было бы этого разбоя. Он не боялся открыто противоречить дворцовым сановникам - наушникам султана.

Я зашагал к выходу, не зная что делать. У выхода в сад столкнулся с тысяцким из охраны (не помню имени). Он был весь в поту. Я поздоровался.

-Откуда так?

- Из Гумкапы, - последовал ответ.

Он явно торопился, хотел пройти, я не менее торопливо схватил его за рукав:

- А я как раз в Гумкапы. Есть повеление султана разобраться в чем дело. Однако что там произошло на самом деле, я не знаю; скажи в двух словах.

Тысяцкий все так же торопливо ответил:

- Армяне взбунтовались в своем патриаршестве. Была стрельба, есть убитые. Военное министерство выслало войска, - и поспешно удалился.

В тот день на мне была парадная форма. Из дворца выделили карету. Я отказался ее взять. Сел в наемную, старую, неприметную, и велел везти в Гумкапы. Спускаясь по крутой улице Кетик-паша, старался уловить звуки выстрелов, но безуспешно. Никакой стрельбы не было. Только встречались отряды солдат, идущие друг за другом. Внизу улицы Кетик-паша встретил знакомого дядю Димитрия. Он владел большим винным погребом, был известным в Гумкапы человеком, здесь его все уважали. Он сидел, развалившись на стуле перед своим заведением, тянул кальян. Я стал расспрашивать его о происходящем.

Дядя Димитрий безмятежно ответил:

- Да ничего особенного. Какой-то олух из родосских рыбаков влюбился в девушку из своих, надумал жениться. Патриарх не дал благословения без венчания, тот собрал нескольких лоботрясов вроде себя, явились с утра пораньше, выпили. Сегодня праздник, в патриархии много народу, эти подняли шум, сделали несколько выстрелов. Одна из пуль попала в жандарма Карапета-эфенди, бедняга скончался на месте, в храме поднялся переполох, народ стал разбегаться... Кто его знает, как доложили туда, от военного министерства стали стягивать войска, окружили патриархию и соседние улицы. Вся история яйца выеденного не стоит, а шум подняли на весь город... Преступников арестовали, осудят, на том все и закончится.

- Кроме этих рыбаков кто-то еще участвовал, оружие доставал, может, стреляли?

- Да никто.

- Ну, спасибо.

Мы расстались. Я направился к хозяину кофейни ванцу Акобу-аге, которого знал с детства, а точнее, вырос у него на руках. Акоб-ага очень уважал всю мою семью, а меня любил как сына. Это был разумный, достойный человек. Я объяснил ему причину моего появления. Акоб-ага задумался, затем сказал:

- Во всей этой истории нет ничего серьезного, из-за чего бы стоило шум поднимать... Правда, думаю, что раздуют и на армян все свалят. Опять мы виноватые будем...

Он подтвердил сказанное дядей Димитрием с небольшими незначущими различиями. Я поговорил еще с семью-восемью знакомыми армянами, греками и мусульманами (*Здесь и далее автор мусульманами называет турок. - Р.М.*). Затем пошел в патриархию. Там расспросил священников, солдат и слуг. В итоге все свелось к рассказу дяди Димитрия. Напоследок пошел в старое здание жандармерии. Там был Назим-бей, уже назначенный министром. До этого он служил в управе Пера, а еще до того - был рассыльным в городской управе. Я сказал ему, что послан по приказу Его Величества султана расследовать дело, передал мои сведения. Он заговорил совсем о другом:

- Все злоумышленники арестованы, с ними поступят по всей строгости. Благодаря султану за день-два все комитетчики будут посажены.

И далее в том же духе.

Из слов Назим-бея я понял, что опасения Акоба-аги были совершенно справедливы.

Я распрощался с ним очень взволнованный, сел в ожидавшую карету. Вернулся во дворец. Прием был окончен, султан Гамид уже вернулся в Йилдызкешк; я сел за стол, написал обстоятельный отчет о проведенном мною расследовании и заключил:

“Происшествие и в самом деле является результатом действий нескольких преступных рыбаков и не имеет никакой связи ни с политикой, ни с иностранными посольствами. Даже если предположить наличие политических мотивов, предпочтительнее представить точку зрения правительства на произошедшее как на обычное правонарушение. В противном случае мы рискуем разворошить костер и вызвать пожар, который будет трудно потушить”.

К сожалению, мои слова остались без внимания. Посыпались донесения и доносы, авторы которых по своим личным соображениям и из-за своей выгоды предпочли раздуть искру до пожара. Как я и предполагал, пожар этот охватил все здание, добравшись и до крыши. Агенты Катри-бея, начальника тайной полиции Йилдызкешка, люди Тахир-паши, начальника стражи, охранники Ахмед-бея со своими сторонниками набросились как голодные волки, стараясь заполнить все тюрьмы и заслужить одобрение султана.

Радости управителя Пешикташа Гасан-паши и его подчиненных не было предела. Министр полиции и все чиновники делали все, чтобы раздуть этот пожар. Дворец Йилдызкешк завалили письмами и требованиями наказать преступников - столько об этом не писали даже официальные газеты. Аресты продолжались и им не было конца. Особенно большие безобразия и преступления творились в полицейских участках.

Например, полицейский комиссар, подлец и взяточник, решив ночью отправиться в публичный дом или в казино, мог позвать к себе рядового жандарма и приказывать ему:

- Сходи в такую-то лавку, скажи хозяину, чтоб передал для меня тридцать золотых. Мне деньги нужны, я потом верну.

Рядовой жандарм в надежде урвать и себе долю, торопился исполнить приказ. Комиссар получал требуемую сумму; отлично, а чтобы ее не возвращать, на следующий день организовывал донос на хозяина лавки в жандармское управление. Глава жандармов, единственной целью которого было упрочить свое положение и завоевать благосклонность султана, тут же организовывал из таких же безжалостных подлецов группу для проведения обыска. Вместе с уже

знакомым комиссаром они вламывались ночью к несчастному торговцу и начинали обыскивать дом и лавку. Бедняга хоть и знал, с кем имеет дело и чем это может для него обернуться, но не чувствовал за собой никакой вины и ожидал окончания обыска. В доме конечно же обнаруживались пара подброшенных европейских газет, из-за буфета или из-под матраса доставали несколько статей - этого было достаточно. Человеку заламывали руки, надевали наручники и пинками гнали в тюрьму. После двух-трех дней допросов становилось известно, что его либо сослали, либо посадили на несколько лет. Понятно, что комиссар всюду пользовался подвернувшейся возможностью и таким образом грабил и наживался везде, куда только мог дотянуться своими когтями.

Такое состояние быстро распространилось по всем жандармским участкам; немного времени спустя во всей Малой Азии не осталось армянина, который был бы уверен в своем завтрашнем дне и сохранности своего имущества. Крупные же хищники султана Гамида, вроде Назифа Сирури, Салахаддина-бея, араба Сами-бея, Неджиба Мелхане-паши делали более крупные дела. В то время советником министерства иностранных дел был Арутюн-паша Татъян, исключительно грамотный, порядочный и знающий человек - написали донос, что он, мол, является председателем революционной организации. Султан Гамид, заведомо зная, что все эти доносы пишутся с целью завладеть деньгами и имуществом несчастных людей, не только не наказывал доносчиков, но, наоборот, поощрял их. Боялся, что, накажи он доносчиков или не дай хода доносам, их перестанут писать. Газетам, которые время от времени писали об этих безобразиях, закрывали рот, бросая им горсть-другую монет.

События в Гумкапы самым роковым образом сказались на тысячах к-польских армян. Вскоре после них в стране начали формировать отряды конников "гамидие" (*полувоенные формирования из курдов, основным занятием которых было терроризирование и убийство армян - Р.М.*).

Дворцовые прихлебатели с энтузиазмом приветствовали это решение, но все, в ком была хоть капля совести, были встревожены. Было однозначно понятно, что отряды этих конных разбойников будут свирепствовать в Малой Азии, Курдистане и армянских областях, не зная пощады и жалости.

Говорили о зверствах и преступлениях Ибрагим-паши, Мсто-паши, властвующего между Тигранакертом и Мосулом. К счастью, многие арабские и курдские племенные вожди, не сумев вовремя сориентироваться, угадать свою выгоду, не стали участвовать в этом разбое, опасаясь попасть под законы военного времени. Потом уже они, видя безнаказанность и полную свободу действий преступников, сожалели, что не приняли участия в этом позорном промысле. Наиболее хитрые, вовремя разобравшись, послали в Стамбул влия-

тельными чиновникам коней, масло, деньги и тому подобные взятки, получили полную свободу и как звери накинулись на армян, грабя все, что можно.

Особенно выделялись беззакония, творимые в окрестностях Битлиса местным курдом Муса-беем.

Этот курд Муса-бей был хозяином и деспотом всего края. При нем у армян была отнята практически вся земля, которой они владели. Армяне стали слугами турок и курдов.

Муса-бей заставлял их работать как пленных.

Армяне стойчески выносили насилие, голод и лишения. Но только когда речь не шла о защите их чести.

Смерть с честью была для них предпочтительнее бесчестной жизни.

А обнаглевший Муса-бей уже начал покушаться на их честь, на их женщин и девушек.

Насильно увезя молодую армянку, он выдал ее замуж за курда из своего аширета.

Это переполнило чашу терпения.

В европейские газеты и посольства посыпались обращения, просьбы о помощи.

Газеты и посольства, в свою очередь, заставили султана Гамида заняться этим делом.

Муса-бея под конвоем привезли в Стамбул. Дело рассматривал министр юстиции. Тем не менее, не желая осудить его за преступления против армян, до окончания следствия и суда Муса-бею разрешили быть гостем управителя Скютари Пахри-паши, жить в его дворце.

Пахри-паша тоже был курдом. Безграмотный неуч, он был в то же время ловким и хитрым от природы человеком. В бытность его управителем Пера была арестована банда фальшивомонетчиков.

В ходе следствия выяснилось, что Пахри-паша и сам состоял в этой банде.

Но даже при этом он сумел спасти свою шею от виселицы и стать управителем Скютари.

Тогда подобными беззакониями никого нельзя было удивить.

Неизвестно, каким образом, но затем он получил должность заместителя в Адане.

Также неизвестно, как сумели его обуздать.

На закон он не обращал внимания. Законом для него была его дубина.

Муса-бея оправдали и выпустили за взятку. Но чтобы сохранить лицо, решили не возвращать его на прежнее место службы.

Для Муса-бея и Пахри-паши это было неприемлемо.

Однажды рано утром во дворце получили известие о побеге Муса-бея. Аб-

дул Гамид разгневался, опасаясь реакции Европы. Повсюду разослали приказы о поимке беглеца. Во все наместничества были посланы телеграммы. Наконец Муса-бей сдался властям в наместничестве Энкюри.

Привезли в Стамбул.

На допросах выяснилось, что побег ему организовали за большую взятку.

Мусу-бея сослали в Таиф, а Пахри-пашу в Албанию, в Приштину.

Скоро оказалось, что его назначили мютесарифом - управителем Приштин и округа, а затем перевели наместником в Адану.

Через два года после этих событий меня сослали по политическим мотивам в Тигранакерт, восемь месяцев спустя перевели в Харберд.

Наместником Харберда в то время был Энис-паша родом из Измира, тесть начальника Имперского пушечного двора - Топханы Зеки-паши, человек крайне глупый и необразованный. Родство с Зеки-пашой было его единственным достоинством. Понятно, что он душой и сердцем был на стороне чиновников-воров и разбойников и получал от них свою долю.

Воспользовавшись удобным поводом, Энис-паша и его чиновники стали сущим проклятьем для армян. Своеволие и поборы жандармов перешли все мыслимые границы. Они делали в селах что хотели. Крестьяне были в ужасе.

Жандармы заходили в села, начинали избивать всех встречаемых под крики и стоны и мольбы о помощи. Сразу же собирали уважаемых христиан села, вызывали старосту и требовали денег в счет налога на имущество, на овец. Тех, кто осмеливался сказать, что невозможно вот так сразу собрать требуемую сумму, избивали до потери сознания.

Не имея выхода, люди начинали собирать по домам и улицам последнее: женские украшения, доставшиеся от бабок и прабабок, припрятанные на самый черный день несколько золотых... Жандармы вместо обязательных в таких случаях официальных расписок в приеме налогов выдавали им простые клочки бумаги, которые не имели никакой силы; в итоге с бедных крестьян требовали те же налоги по второму разу. Дошло до того, что полицейские начали отбирать у людей в счет денег ковры, домашнюю утварь, белье, матрасы и даже куски веревок. Армяне, и так уже работавшие круглый год на курдских беков за два мешка ячменя, которым должны были прокормить свои семьи, терпели, надеясь на Бога. Жандармы же, видя это, действовали все более жестоко. Наступил день, когда, не удовлетворяясь одним лишь грабежом, они стали покушаться уже и на их честь. И армяне, которые до этого терпели и выносили то, чего не могло вытерпеть и вынести никакое другое племя и народ на свете, взбунтовались.

Армяне Харберда действительно народ чести. Во всем огромном наместничестве никто не может назвать хотя бы одну проститутку-армянку.

Такое зверское поведение жандармов привело их в ярость. Я сам был этому свидетелем. Наместником тогда был Джавид-паша. Я успел хорошо узнать его, когда он был мирливом (*главой мира, административной единицы Османской империи - Р.М.*). Я представил ему обширную докладную с указанием истинного положения дел. Джавид-паша, ознакомившись с нею, распорядился передать в госсовет для принятия решения. Начальник Топханы, защищая в госсовете своего тестя, вместе с тем написал тому письмо, предлагая одуматься и перестать разбойничать, так как он не всегда сможет защитить его. Этот недоумок Эмис-паша потом хвалился этим письмом, показывая его всем желающим. Показывал он его и мне.

Я, в свою очередь, написал второе письмо наместнику, указывая на все эти безобразия.

На сей раз Эмис-пашу наконец сняли с должности. На его место назначили Реуф-пашу.

Реуф-паша был приличный человек, но мы не успели вздохнуть с облегчением, как его перевели наместником в Карин (Арзрум). Надежды людей обратились в прах.

Реуф-паша предпочитал работать со знающими людьми, поэтому забрал с собой в Карин дефтердара (финансиста), инспектора по школам и начальника жандармерии. До прибытия нового наместника его должность временно исполнял Али Эмин-эфенди из Тигранакерта. Это был скромный человек, увлекающийся поэзией и историей, но страшный религиозный фанатик, который везде и по всякому поводу выражал свою ненависть к христианству. Как раз во время его наместничества и произошли печально памятные события в Тигранакерте.

Как-то утром по городу пошел слух, что накануне христиане напали на мусульман, когда те купались во дворе мечети, в фонтане. Начали стрелять, погибли семь или восемь мусульман. Это сообщение вызвало ярость у последних.

Слухи между тем полнились, число жертв увеличивалось. Через день курды начали нападать на армянские села, грабить и убивать жителей, поджигать дома.

Во вторник пошли разговоры о том, что в Малатии какой-то курд зашел к брдобрею побриться, а армянин-брдобрей отрезал ему голову. Озверевшая толпа напала на армян. Чуть погодя, буквально минуты спустя, стало известно о нападениях на армянские села, грабеже и поджоге домов, многочисленных убийствах жителей.

Я знал многих из харбердских армян. Особенно дружеские отношения у меня сложились с Филиппосом и Ншаном Арпиарянами, Артином Харбутляном, Григором Тарагчяном, Керобом Папазяном, Погосом Мисакяном, Григо-

ром Язычином, Симоном Демирчяном. Это все были люди законопослушные, далекие от всякой политики.

Однажды ночью, когда я был в наместничестве, в кабинете наместника, снаружи слышались шум и крики. Вошел телохранитель наместника и сообщил, что арестовали и привезли председателя армянского комитета. Я заинтересовался, захотел посмотреть кто это может быть, вышел в коридор и увидел, что человек десять солдат с обнаженными штыками ведут Григора Язычяна. Я окаменел от изумления. Язычян Григор жил в селе Кесрик, в четверти часа езды от города. Отец оставил ему богатое наследство, землю. Жил он очень хорошо, за стол обыкновенно садились до 15 человек гостей. Рядом с Кесриком было небольшое село Хорхорк; большая часть земель этого села также принадлежала Язычяну. Был у него еще и огромный сад, где мы с семьей ставили шатер и проводили все лето. Семья у него была небольшая - жена и дочь. Утром рано они заходили в наш шатер и проводили с нами все время до самого вечера. Я с юношеской горячностью критиковал политику турецкого правительства, проклиная и Йилдызкешк и его дела, однако за эти четыре летних месяца я ни разу не слышал слова осуждения правительства из уст Григора-эфенди.

Наоборот, иногда я слишком увлекался:

- Ты что, неужели тебе все равно, что творится в стране? - укорял я его. Он отмалчивался.

И теперь этого абсолютно далекого от политики человека арестовали по обвинению в революционной деятельности. Как же было не удивиться тому, что его объявили председателем комитета. Я рассказал все это наместнику, тот пропустил мимо ушей. Предвидя более масштабные притеснения, я пошел к Арпиаряну, послал человека к надежным армянам, попросил их собраться.

Сказал им:

- Мне все это очень не нравится. Вчера арестовали Язычяна-эфенди как председателя комитета, завтра придут за вами, сгноят в тюрьмах. Нельзя так. В селах кровь льется рекой. Надо остановить этот разбой.

Все согласились:

- Но что же делать?

- Завтра с утра пораньше пойдем к командующему армией. Что там было в Тигранакерте и Малатии - не наше дело. Мы законопослушные граждане. Сообщим заместителю наместника. Пусть обсудят и примут решение.

На следующее утро, как и было обговорено, мы направились к воинским казармам. Вместе с заместителем наместника туда пришли и Мустафа Назим-паша с несколькими чиновниками. Начали обсуждать случившееся. Армяне подтвердили свою законопослушность и верность правительству.

- Ладно, и что нам делать? - спросил командующий Мустафа-паша.

- Введите войска в села, пусть разгонят курдов - надо остановить разбои и убийства.

- Хорошо, а если мы выведем войска из города, не начнут ли здесь беспорядки уже армяне?

- Мы дадим вам любые гарантии - беспорядков не будет.

- Значит так: именитые армяне берутся обеспечить порядок в своих кварталах. Если будут волнения - отвечать будут они. Кроме того, все оружие должно быть собрано и сдано в казармы. Если вы сделаете это, я пошлю войска в села и разгоню чернь и курдов.

Предложение было принято с благодарностью, гарантии порядка были получены, мы все радостные вышли из казарм, уверенные, что погромы прекратятся. На следующее утро мы вновь собрались там же. Внушительная груда собранного оружия свидетельствовала, что если у людей что-то и осталось, то очень немного.

Мы все стояли в большом зале: чиновники, принимающие оружие и армяне - гаранты спокойствия. Едва прошло полчаса, как начальник охраны Мурадбей потянул меня за рукав и подвел к окну:

- Видишь?

Я посмотрел в ту сторону. Напротив, на расстоянии десяти-пятнадцати минут езды горело село Морник, окруженное погромщиками. К небу поднимался густой дым. Я тут же раздобыл бинокль: понял, что село окружили и подожгли. На армянах лица не было. Я пошел к наместнику, стал говорить ему, что нужно уважать принятые вчера обязательства, что речь идет о чести правительства.

В его руках был маленький карандаш и лист белой бумаги - он хотел дописать стихотворение, которое начал сочинять днем раньше во время прогулки. Увидев, что мои слова до него не доходят, я взял нескольких армян и мы пошли к командующему. Мы заявили ему, что согласно договоренности, он должен ввести войска, чтобы остановить погромы, что происходят уже на виду у него, в нескольких минутах от казарм.

В ответ мы слышали:

- Распоряжение о применении войск может отдать только правительство.

Мы все онемели от ужаса.

Выходя я сказал бывшим со мной армянам:

- Ясно, что правительство ничего не станет делать - надо самим о себе думать...

Мы подавленные разошлись по домам.

Пять минут спустя пришло известие, что погромщики и грабители ворвались в Морник и все закончилось. Стало окончательно понятно, что хотел сказать командующий армией.

Несчастные армяне стали укрываться в домах тех мусульман, на которых могли положиться.

Я жил в просторном доме с большим садом. Открыл ворота. Впустили всех: мужчин, женщин, детей - человек семьсот-восемьсот. За ними, спасаясь от погромов и смерти, начали появляться крестьяне из окрестных деревень. Многие были избиты до крови.

Во всем городе не найти было ни одного жандарма, все ушли грабить села, громить и убивать армян. На улицах кроме избитых и раненых беженцев не было ни души. К вечеру опустевший город погрузился в скорбь и тишину.

С наступлением темноты стало видно зарево пожаров, охвативших старый Харберд.

Сам старый город был построен на горе, в нем было около четырехсот домов. Центр наместничества располагался в отдельном городе на равнине, у подножия старого, на расстоянии около часа езды. Это красивый город, окруженный садами, с приятным климатом.

Я навестил многих армян, укrywшихся в домах мусульман. Несчастные ощущали себя стадом овец, загнанным мясником на бойню.

Я был потрясен. Однако это чувство родило во мне и идею как остановить бойню.

Я пошел прямо в наместничество. Наместник, как всегда, дал мне зашифровать телеграмму в К-поль. Телеграмма сообщала, что “благодаря усилиям султанского правительства в провинции полное спокойствие, каждый человек занят своим делом”.

Наместник должен был постыдиться этой телеграммы. Ведь ему достаточно было подняться на крышу, чтобы увидеть объятые огнем села; выйти на улицу, чтобы услышать крики и мольбы о помощи убиваемых женщин и детей.

Такие телеграммы шли друг за другом.

Иногда, ради разнообразия, из Йилдызкешка отвечали: “Пошлите мулл, пусть увещевают, успокаивают народ”.

Кровь семидесяти-восемидесяти тысяч человек лилась рекой, повсюду пожары и грабеж. Понятно, что это значило: “Оставьте, пусть делают что хотят”, наказания не будет.

Я подсчитал строчки и даже слова телеграммы. Написал новую с таким же количеством слов:

“Курды Дерсима, Балу, Каздека объединились у истоков реки Бердак и представляют внушительную силу: “Мы не допустим, чтобы здесь была создана Армения. Имея такое количество войска, мы не хотим жить под османским игом.” Курды уже начали переговоры о создании своего правительства. Что делать?”

Только так можно было напугать султана Гамида, заставить его предпринять действенные меры. Наместник подписал зашифрованную телеграмму с моим текстом и я послал ее от его имени.

Вечером, вернувшись домой, я увидел еще одну группу беженцев из сел и старого города. Почто все они видели убийство и гибель своих родных и близких.

Их рассказы нельзя было слушать без содрогания и ужаса.

Среди них был и Симон Демирчян из старого Харберда. Он рассказал, что убит Атанальян Артин-эфенди, что пытались похитить дочь недавно скончавшегося английского консула мистера Тома. Мистер Том сам был армянином, его жена - англичанкой.

Похитителем был известный в этих краях разбойник Хаджи Лутфулла; мирала Шукри-бей отобрал и вернул девушку. Другой разбойник, Хрпо из села Хан, похитил ученицу американского колледжа и хотя через пару месяцев его арестовали, это преступление осталось безнаказанным.

Я попробовал как мог успокоить бедных людей. Сказал, что завтра этому беззаконию будет положен конец, естественно, не вдаваясь в подробности.

Утром рано, еще до восхода солнца, меня вызвал наместник. Я пошел, надеясь и волнуясь. Там уже был и сам командующий. Действительно, пришла ответная телеграмма.

Содержание сводилось к следующему: “Немедленно поднимите в ружье войска, призовите резервистов, пустите в дело все пушки, разгоните курдов, уничтожьте мятежников”.

Заместитель наместника и командующий удивленно смотрели друг на друга. Я сказал:

- Наверняка вмешались внешние силы, иначе дело до этого бы не дошло.

Канцелярию наместника тут же окружили войсками, на холмах поставили три орудия, начали стрелять по нападающим на Старый Харберд и Хюсейник толпам курдов. Хотя, если быть точным, стреляли не по курдам, а по спасающимся от курдов бегущим армянам; несколько снарядов попало в американское консульство, однако курды, до этого утверждающие, что “уничтожают армян по приказу правительства”, видя это, сочли за лучшее разбежаться.

Надо сказать, что не все турки, даже чиновники, были согласны с таким позорным поведением своего правительства. Прокурор по общим делам Шевкет, следственный судья Азиз, из именитых людей Чутелизаде Исхак, Хаджи Емер, Мухеттин, Асим-бей были людьми честными и порядочными. Мы вместе пошли к курдам. Где уговорами, где угрозами нам удалось заставить их разойтись. Стали поступать сведения от бежавших из своих домов, прячущихся по окрестностям армян, которые постепенно стали собираться в городе. Убийств

там было совершено намного больше. Турки осадили весь город Арабкир, разгромили нефтяные склады за городом, разлили нефть вокруг армянского квартала и подожгли ее. Квартал весь сгорел, пытавшихся спастись из огня армян расстреливали. Погибло более четырех тысяч человек. В Малатии облили нефтью и подожгли церковь, в которой укрывались тысячи человек, сожгли и разграбили рынки, все дома в селах. Только в харбердском наместничестве погибло около пятидесяти тысяч. Такая же картина была в Свазе, Арзруме, Энкюри, Ерзнка - во всех без исключения армянских областях.

Применение армии и артиллерии возымело свое действие. После двух дней осады центра наместничества курды, потеряв надежду на победу, отступили. Укрывавшиеся тут и там армяне начали возвращаться в свои дома. Приближалась зима; погода стала диктовать свои требования и появилась опасность новой трагедии. Дети, потерявшие своих родителей, родители, не имевшие сведений о своих детях, братья, не знавшие о судьбе своих братьев и сестер, утешались только надеждой, что они смогли укрыться где-нибудь и уцелеть. Но вернувшись в свои села, не найдя даже следов их и убедившись в своих страшных предположениях об их несчастной судьбе, они стали оплакивать своих родных. В их домах между тем курды не оставили ничего: разграблено были все. Несчастные встречали зиму и начавшиеся дожди без крыши над головой, без провианта, без постели. Люди, которые и без того испытали все несчастья, которые потеряли все, теперь, ночуя на холодной, мокрой земле, заболели тысячами. И вынужденно опять приходили к наместничеству, преодолевая четырех-пятчасовый путь, стучались в двери и просили кусок хлеба, чего никогда до этого не делали.

Как раз в это время наместника перевели в Карин. Исполнение его обязанностей возложили на бывшего правителя Малатии Али-пашу.

Этот Али-паша, более известный как араб Али-паша, был знаменит своими беззакониями. Это именно он был причиной сожжения десяти тысяч армян в Малатии. Он даже вызвал армян - членов губернского собрания, судейской коллегии и просто известных торговцев к себе в правление, обещая им защиту. Когда же те собрались, приказал жандармам расстрелять их прямо во дворе правления. Среди погибших были всем известные и уважаемые Ментилджян-эфенди и Бонапартян-эфенди. Об этом наместник потом рассказывал с нескрываемой гордостью.

На лицах уцелевших армян не было ни кровинки. Эти неопиcуемые зверства над ними творили те турки, которым они сами всячески помогали во всем. Карманы мусульман и жандармов были полны денег, дома ломились от награбленного.

Новый наместник араб Али-паша был настолько же жесток и бесчувствен, насколько глуп и труслив. Зная это, я при встрече сказал ему:

- Пришли вести, что Англия посылает броненосец в Искендерун и будет высаживать войска. Россия также собирается послать армию. Начальство как всегда выкрутится, а все шишки достанутся подчиненным. Надо думать, как спасти свои шкуры.

-Что же делать?

- Делать придется много чего. Во-первых, по возможности собрать и вернуть армянам разграбленное имущество. Накормить и дать кров голодным и бездомным. Если вы не против, можно создать комиссию, я и сам в нее войду. Хорошо бы привлечь и нескольких армян.

- На это нужно разрешение из Стамбула.

- Это наше внутреннее дело, местное, Стамбул ни при чем. Когда сюда зайдут с проверкой, нужно, чтобы не было голодных и бездомных. Вот тогда и султан будет доволен.

Уговорил Али-пашу, он распорядился создать комиссию, в нее вошли и четыре армянина. В правлении наместника отвели для нее свободные комнаты. Взяв с собой человек шесть-семь жандармов, мы стали объезжать мусульманские села. Начали обыскивать уже их дома, смогли вернуть много имущества. Награбленное было зарыто в землю, спрятано в амбарах, конюшнях, в дымоходах, в пустотах в стенах. Найденное распределяли среди армян; это спасло от смерти многие сотни семей, оставшихся без ничего, имущество которых не смогли найти. Через пятнадцать дней после беспорядков прибыла комиссия во главе с командиром офицерского собрания султанского дворца Шакир-пашой. С ним был Рушди-бей из старейшин. В ночь их приезда комендант Махмуд-бей дал большой обед. На обеде присутствовали наместник, командующий, главный прокурор и я.

На следующий день я пригласил их к себе.

Угощение было очень богатое, стол изысканный, не хуже, чем в Долмабахче. Все остались очень довольны. Пили не переставая. Когда уже все были хорошо навеселе, зашел разговор о том, что слухи о курдском восстании были ложными.

Наместник и командующий сказали, что ничего не слышали о беспорядках.

Я рассмеялся:

- Вы сюда из самого Самсуна ехали. Не знаю, как в других местах, но в этом наместничестве вы видели хоть одно несожженное село, хоть один нетронутый город? Среди встреченных вами армян нашелся хоть один, у которого не было бы убито четверо-пять родственников? Уверен, что нет. И при всем

этом наместник Али Эмир-эфенди посылает в султанский дворец телеграммы, говорит о спокойствии в империи - лжет султану. Это не верность - это предательство. Султану надо докладывать правду обо всем, чтобы он мог принимать справедливые решения. Вся равнина Харберда была в огне. Крики раненых о помощи поднимались до небес. И в это время, когда камни и горы онемели от увиденного ужаса, этот человек посылал телеграммы одного и того же содержания. Я зашифровывал их. Вот телеграмма, которую я изменил (я достал из кармана сохраненную копию). Половина наместничества разрушена и предана огню, разграблен каждый дом. Не тронули только центр наместничества. Все, кто смог бежать из горящих сел, собрались здесь. Если бы и тут начались погромы, будьте уверены, число жертв достигло бы тридцати-сорока тысяч. Для спасения этих тридцати-сорока тысяч можно и пожертвовать одной головой. Вот моя голова.

Шакир-бей оказался благородным человеком. Протянул мне руку:

- Поздравляю вас, у вас возвышенные помыслы и благородное сердце...

Однако араб Сами-бей, один из султанских шпионов, утром рано отправил на меня донос султану.

Я тут же отправил свою телеграмму: "Нет никакого сомнения, что придет время, когда надо будет держать ответ за эти страшные преступления перед Европой. Мои слова тогда смягчат вашу ответственность".

Спустя годы я узнал от одного из моих дворцовых друзей, что моя телеграмма очень разгневала султана Гамида, он даже намеревался казнить меня.

Эти невиданные зверства опечалили и потрясли всех, кто не потерял разума и совести. Как печально было видеть людей, не знавших до этого нужды, а теперь с протянутой рукой просивших по домам милостыню; детей, что стайками бродили по улицам, тщетно разыскивая своих отцов, матерей, братьев и сестер.

Как-то я встретил на рынке пришедшего торговать курда лет семидесяти, имама одного из ближних сел, в зеленой чалме, в жакете с кружевным воротником, в шароварах, из-под которых виднелись женские панталоны с фестончиками.

И не знаешь, смеяться над увиденным или плакать...

Чтобы придать видимость торжества справедливости над совершенными преступлениями, арестовали и предали суду с сотню курдов. Часть из них осталась безнаказанной (были выпущены за взятку), те же, кто не дал взятки (человек шестьдесят, если я правильно помню) были осуждены на два-три года и сосланы в африканское Триполи.

Во время этих безобразий власти с огромным усердием стали разыскивать двух человек, Аарона и Арута, мясника и бакалейщика, которые якобы были

фидайнами (*гайдуками, народными мстителями - Р.М.*). Способствовать их аресту было объявлено священной обязанностью каждого.

Я хорошо знал мать бакалейщика Арута Рипсима-ханум; она почти каждый день бывала у нас дома, мы хорошо знали и ее сына и были уверены, что он не имел никакого отношения ни к фидай, ни к комитетчикам. Вся его вина состояла в том, что это был видный, красивый молодой парень богатырского сложения.

Мясника Аарона, напротив, “зачислили” в фидай за большие и густые усы, устрашающую внешность и свободомыслие.

Я укрыл их обоих в своем доме, на первом этаже.

Тем не менее, из уст мусульман только и было слышно: “Сегодня ночью Аарон вошел в такое-то село, зарезал пятнадцать мусульман... Арут под утро зарезал двадцать детей и составил из их голов башню...”

Понятно, что все эти наветы на армян делались с целью вызвать ненависть к ним.

Многие из чиновников, из жителей и жандармов разбогатели на этом. Но уверяю вас, что богатство, обретенное таким путем, не пошло им на пользу, сгорело и обратилось в дым, как бумажка от зажженной сигареты. Обратилось в прах даже то, что действительно было заработано.

Вот показательный пример.

Через два месяца после описанных событий пришло распоряжение об изменении места моей ссылки. Меня переводили в Измир.

Была суровая зима, дороги были закрыты, не работала даже почта; я волей-неволей задерживался еще на месяц. Было очевидно, что после моего отъезда из Харберда убьют и Арута, и Аарона, а с ними еще несколько человек армян, бывших бельмом на глазу турок. Я собрал их, сообщил, что меня высылают и сказал, что заберу всех с собой. Они приготовились к отъезду. Решили выехать первого февраля. Хотя метели и снегопады продолжались, для нас было предпочтительнее выехать в метель, чем в ясную погоду.

В то же время мне сообщили, что несколько христиан и мусульман собираются прийти на мои проводы.

Пускаться в путь, выезжать из города при скоплении народа, когда со мной едут мои подзащитные, было неблагоразумно. Поэтому я накануне позвал к себе жандармского унтер-офицера Хусейна родом из Дерсима, на которого я мог положиться.

Я попросил его незаметно вывести из города моих друзей и ждать меня с ними у подножия горы Девебойну.

- С радостью, - отозвался этот храбрый и честный человек.

На следующее утро выехали и мы на конях. В самом деле, больше тысячи

армян и несколько сотен мусульман провожали нас до села Молла, на расстоянии трех часов пути. Мы распрощались, искренне сожалея о расставании. Едва доехали до подошвы горы Девебойну, навстречу нам показался унтер-офицер Хусейн, а с ним и мои друзья. Все они были в добром здравии. Сам Хусейн присоединился к нам и остался ночевать с нами на постоялом дворе Кезин. Снегопад тем временем усиливался. Когда мы подъезжали к постоялому двору на окраине города Аргни, где собирались переночевать, нам навстречу вышли человек пять мужчин в чалмах. Они сняли наши вещи, обмели снег и занесли в комнаты. Однако их поведение и особенно неумело намотанные белые чалмы показались мне подозрительными, о чем я сообщил одному из своих спутников, Петросу Гаспаряну. Минут через десять-пятнадцать Петрос подошел ко мне и сказал, что я был прав - это оказались армяне.

Я подозвал одного из них, усадил рядом:

- Что здесь произошло, к чему это?

Бедняга сначала сильно смутился, но когда Гаспарян сказал ему, что меня не надо опасаться, начал рассказывать:

- Мы много бед пережили, я четырнадцать лет уже на этом постоялом дворе работаю, вместе с младшим братом и сыном. Хозяин двора мусульманин, очень нам доверяет, мы ему до сих пор ни гроша убытку не принесли. Всю работу мы делаем. Только в один день все перевернулось. Родственники мои прибежали все в крови:

- Абраам - меня Абраамом зовут - спаси нас, укрой от мусульман, всех армян в городе перебили, они и нас убьют.

Я укрыл их в конюшне. У меня две дочки и жена в городе, я побежал домой, к ним. Дверь раскрыта настежь, в комнате на полу лежат в крови жена и дочери, все убитые. Я вернулся обратно как помешанный. А здесь еще более ужасная картина. Наш хозяин кромсал ножом моего сына. Сын плакал, умолял не убивать, а хозяин еще больше стервенел. Я ухватил его за рукав, оттащил от ребенка. Сын мой умер через три часа от ран. Остались мы с братом вдвоем. Оба как сумасшедшие. В ту же ночь пришли пятнадцать мусульман: "Обратитесь в мусульманство, иначе вас всех убьем". Волей-неволей стали мы мусульманами, у нашего хозяина еще шесть человек работников армян было, всех обратили. Нас всех обрезают. Теперь каждый день к нам мулла ходит, учит нас.

- Сын твой чем-то не навредил ли хозяину?

- Нет, служил честно.

- Кто убил твоих жену и дочек?

- Не знаю.

Бедняга не мог дальше говорить. Замолчал и я, не стал расспрашивать, беречь рану. Только произнес несколько слов утешения.

Добравшись до Тигранакерта, остановились в доме тысяцкого жандармов Сабит-бея; мои семнадцать спутников разместились на постоялом дворе, рекомендованном тысяцким. А остановился я в его доме, потому что у моих спутников не было на руках никаких документов. Их могли попросту остановить в любое время и вернуть назад с дороги. Я даже думал выпросить соответствующую бумагу у Сабит-бея. Действительно, он легко согласился и выправил нам нужные бумаги. Потом они сильно помогли нам в пути.

Сабит-бей до того, еще до нас, служил в Харберде, попал под суд за взыскничество и укрывательство. Следствие по его делу тянулось годы, у него не осталось ни имущества, ни денег, дошел до крайней степени нищеты. Когда я с ним познакомился, положение его было ужасно. Я хлопотал за него перед командующим Мустафой Назим-пашой, писал прошения, наконец смог добиться его освобождения от преследования и назначения на должность в Тигранакерте. Отправился он туда, можно сказать, голым; он сам, жена и дочь были благодарны мне за все, что я для них сделал. Рассказываю это, так как ранее говорил, что награбленное добро не впрок. Вот пример сказанному.

В Тигранакерте армянские кварталы, рынок были разграблены и сожжены дотла. Нашел нескольких знакомых армян, узнал от них подробности. В Тигранакерте, как и везде, мусульман к грабежу и разбою подстрекали правительственные чиновники и армейские офицеры. Наместник Энис-паша словом и делом науськивал и подбадривал мусульман, среди которых выделялся своей бесчеловечностью и жестокостью черкес Азамат-паша. Подбадриваемый и поддерживаемый Энисом-пашой, он творил неопишуемые зверства, был первым среди остальных в деле грабежа и уничтожения армян и их имущества.

Энис-паша был родом из Салоник, религиозный фанатик, заклятый враг христианства; ума у него было не больше чем у гусака. Он с радостью принимал участие в грабежах и резне армян, что считал своим долгом мусульманина. Несколько лет спустя его перевели наместником в Алеппо, но он не смог занять должность, так как назначению резко воспротивились иностранные консульства. С большим трудом удалось всего только поселить его в Алеппо. Консулы были наслышаны о его “геройствах” в Тигранакерте и смогли добиться отмены назначения.

Будь он проклят Господом.

В селах и во всем Тигранакертском санджаке эти злодеяния приняли еще больший размах. Вырезали тысячи людей, грабили и поджигали все дома без исключения. У армян не осталось ни одной крыши над головой, ни одного одеяла, ни единого куска хлеба. В это время как раз в Тигранакерт приехала комиссия, которая до этого была в Харберде (о ней я рассказывал).

Один из высоких армейских чинов, Мюнир-паша, сделал много для того,

чтобы остановить эти безобразия, но, не имея поддержки, потерпел неудачу. Я встретился и с ним. Был он человек честный и прямодушный. Держался он с наместником очень достойно, что бесило этих разбойников и убийц.

В конце концов, им удалось добиться его отстранения от должности и ссылки.

Его судьба должна была послужить уроком остальным.

Но я хочу закончить мой рассказ о Сабит-бее. Я уже говорил, что тысяцкий жандармов приехал из Харберда в Тигранакерт, можно сказать, голым, без единого куруша в кармане. Поэтому мы не поверили своим глазам, когда вошли в его дом. Большой, в десять или двенадцать комнат, и все украшены персидскими коврами и шелковыми золототкаными тканями. Вся столовая посуда из серебра.

Жена и дочь с ног до головы были в золоте и бриллиантах. Не то что за семь месяцев - ни за семь лет, ни за десять невозможно было стать обладателем такого богатства за его жалование, даже получай он в разы больше. Вся эта утварь, серебро, ковры, драгоценности - все было награблено у армян. На следующий день, когда мы сидели с ним, в комнату вошел какой-то курд. В руках у него был перстень.

- Я продаю этот перстень, хочешь купить? Только дорого прошу, меньше чем за два золотых не отдам.

Сабит-бей взял перстень. Повертел в пальцах, потом обернулся ко мне:

- Если понравилось, возьмите себе.

Я взял у него перстень, стал рассматривать. В перстень был вставлен очень большой изумруд. Поднес перстень к окну:

- Да, в самом деле очень красивый перстень, только камень с изъяном.

Сабит-бей подошел, стал рассматривать на свет.

- Ничего не вижу.

- Обратите внимание. Два очень плохих изъяна в камне. Один - это кровь, а второй - слезы, видите, две струйки. Боюсь, тот, кто будет носить этот перстень, заболеет раком.

Сабит-бей осерчал, со словами "не хочу, не стану брать" вернул перстень курду, как ему казалось, незаметно для меня подав тому знак. Когда курд вышел, он вышел вслед под благовидным предлогом. Я не сомневался, что Сабит-бей купил-таки перстень. После этого не прошло и года, как Сабит-бей сняли с должности и посадили в тюрьму, он сильно похудел, заболел и там и умер. Жена его вышла замуж за молодого жандарма, служившего в их доме. Жандарм продал все имущество и сбежал с деньгами; жена осталась фактически нищей, тоже заболела и померла в городской больнице.

Дочь, оставшись без денег и без помощи, стала проституткой.

Вот закономерный конец состояния, созданного на грабеже и убийствах.
Вот как заболевают раком те, кто покупает такие перстни.
Я знаю много таких случаев.

* * *

В Тигранакерте наш караван разросся: прибавилось еще семьдесят четыре армянина. У них не было никаких денег и беднякам пришлось идти пешком. К счастью, у меня деньги были, и я смог нанять мулов хотя бы для больных и стариков и обеспечить всех едой. Через три дня добрались до города Сиверек, там нас принял в своем доме Осман-ага, один из самых богатых и влиятельных людей города. Это был большой любитель роскоши, кровожадный и безжалостный. Он с гордостью рассказывал, как велел перебить всех армян в городе и бросить их трупы в пересохшие колодцы.

Мы провели ночь в этом логове разбойников и убийц, ежеминутно опасаясь за свою жизнь. Намеревались заехать в Урфу, но получили известия, что в Урфе совершены намного большие злодеяния, чем те, о которых мы до сих пор слышали и чему свидетелями были. С одной стороны, град свинцовых пуль, с другой - горящая нефть унесли жизни более чем десяти тысяч мужчин, женщин и детей, которые пытались найти спасение в церкви.

Многие из жителей Биреджика спрашивали меня:

- А остались ли на свете еще христиане?

Я не нашел что ответить этим зверям в человеческом облике, хотя звери были намного лучше них.

Каймакам и армейские офицеры Биреджика вознамерились запретить бывшим со мной армянам идти дальше, требовали вернуть их назад, потом потребовали взятку. Потребуй они небольшую сумму, я бы отдал, но они за каждого человека запросили по десять золотых, всего девятьсот десять. Таких денег у меня не было. Я решил действовать строгостью: послал телеграммы во дворец султану, правительству, наместнику в Алеппо. Каймакам и офицеры испугались.

Наместник Алеппо прислал каймакаму грозную телеграмму. Благодаря ей нас оставили в покое и мы перебрались через Евфрат. Наше положение действительно было страшное: по дороге нам навстречу шли группы истерзанных армян, которых вернули назад из Пиречика. Наконец добрались до Алеппо.

Я встретился с наместником Алеппо Реуф-пашой. В это время по Алеппо начали ходить слухи, что местный сброд, к которому присоединились собравшиеся из окрестностей за поживой кочевые арабы-бедуины собираются устро-

ить погромы и грабежи в Алеппо. Реуф-паша спросил моего мнения по этому поводу. Я рассказал ему все, что изложено в этой книге. Реуф-паша посадил меня рядом с собой, похлопал по плечу и сказал подбадривая:

- Да, если бы Господь дал всем разум и сострадание к ближнему как вам...

В тот же день к вечеру я узнал, что Реуф-паша приказал поставить на холмах вокруг казарм пушки и объявил, что в случае нападения на армян он расстреляет кварталы Пап-Нирап, Мешайка, Гайлак, заселенные мусульманами.

Так Алеппо избежал готовящейся резни.

Годы спустя судьба вновь привела меня в Алеппо на семнадцатом году ссылки, еще при султани Гамиде.

Султан Гамид был низкорослый, тщедушный человек с густым голосом, трусливый как заяц. Все знают, что он жил в Йылдызкешке. Дворец этот, несмотря на затраченные на его строительство огромные деньги, был крайней безвкусицей. Во дворце, даже в официальной его части, день и ночь горели газовые светильники. В нем не было ничего радующего глаз. Даже в комнатах султана можно было увидеть разбитые стекла в окнах, занавешенных коврами, цветочные горшки с увядшими или засохшими цветами.

Совершенным был только прием пищи. Султан ел четыре раз в день: утром, в полдень, вечером и в четвертый раз уже ночью. Утром и в полдень это были холодные блюда - индейка, курица, икра, яйца в мешочек или всмятку, различные фрукты.

На второй полдник и ужин подавались уже только горячие блюда. Сначала султану подавали меню из не менее чем сорока названий, он выбирал понравившееся. Существовал определенный церемониал. Блюдо клали в тарелку, тарелку на поднос, поднос заворачивали в скатерть, которую дворцовый шеф-повар опечатывал своей восковой печатью. Блюдо относил в апартаменты султана второй гофмейстер Илиас-бей (исполнявший обязанности недавно скончавшегося первого гофмейстера Иسمет-бея). Остальные блюда, не выбранные султаном, относили его женам, гофмаршалу Осман-паше, секретарям и наконец остальным служителям двора: Абухютте-эфенди, Лутфи-аге, председателю комиссии по делам беженцев (*мусульман - Р.М.*) Риза-паше и др. Стоит ли говорить, что все было отменно вкусно.

Султан Гамид выкуривал в день 25 сигарет, выпивал шесть или семь чашек кофе. После первого полдника спал час-полтора. После сна выходил в сад, гулял, занимался также фотографированием, столярничал.

Утром и вечером разбирал полученные документы; один из чиновников дивана докладывал ему их краткое содержание, а он выносил свое решение. Глава дивана на основе этого составлял указы от имени султана.

Входящие документы делились на три типа:

1. Официальные сообщения.
2. Частные /неофициальные/ сообщения.
3. Частные /личные/ прошения.

Официальные сообщения поступали из наместничеств, из военного ведомства, командования Имперского Пушечного двора - Топханы, султанской казны, гарема, подразделений Морского министерства и др.

Частные сообщения были по преимуществу краткими, дополняли официальные и поступали из внутренних, внешних и других подразделений названных учреждений.

Личные прошения по большей части были просьбами об аудиенции.

К вечеру собирались полученные за день сведения /статьи, письма/, готовилось общее резюме, которое, в свою очередь, переписывалось набело в украшенный золотом журнал; резюме, вместе с самими сведениями, представлялось султану, по его результатам на следующий день мог появиться указ.

Султан Гамид очень заботился о своем здоровье. Занимался гимнастикой, алкоголя не употреблял вообще; хотя и ел четыре раза в день, досыта не наедался. Был большой любитель женщин. Фавориток - "гезде" - у него было не больше трех, но, с другой стороны, просто наложниц было сколько угодно. Гезде или наложниц, которыми он насытился или которые перестали его интересовать, султан Гамид выдавал замуж. Выданная замуж гезде получала ежемесячно двадцать золотых. Остальные, хоть и не получали ежемесячного содержания, при уходе из гарема одаривались украшениями и утварью.

Султан Гамид был дьявольски умен, хотя и не образован, и в высшей степени мнителен. Именно это обстоятельство объясняет наличие тысяч шпионов и доносчиков.

Он не хотел, чтобы служащие его дворца общались друг с другом, наоборот, делал все, чтобы они ненавидели, доносили друг на друга, таким образом желая знать мысли и намерения каждого.

Латиф-ага, сетчатеджи-паша Хафиз-эфенди, церемониймейстер Хаджи Али-паша, глава оружейников Тахир-паша и многие другие были безграмотными, необразованными людьми, но опытными подхалимами и доносчиками, мастерами наветов. Особенно стали известны появившиеся в последнее время доносы Фехим-паши и его подельников.

Султан Гамид был очень богат.

Самые плодородные и ценные земли в наместничествах были куплены им за мизерные деньги и присоединены к султанской казне. Весь доход от них шел на дворцовые увеселения, на доносчиков и на подкуп европейских газет. Единственным человеком, кого боялся султан Гамид, был его брат Мурад, за-

ключенный в Чираганский дворец в Ортакее. Абдул-Гамиду не давала спать мысль о том, что брат все еще жив и в один из дней его могут вывести из тюрьмы и вновь посадить на трон, поэтому он не жалел никаких денег тюремщикам на его охрану.

Главными охранниками султана Мурада были начальник жандармерии Пешикташа Гасан-паша и главный евнух Джевгер-ага. Как и остальные султаны до него, Абдул-Гамид также держал чернокожих евнухов.

Главный евнух имел звание дарюссааде-эль-шерифи (славный ага врат счастья)

Кызлар-агаси, старшие евнухи, как и простые, обычно были крайне не-далекими людьми.

Евнухи сидели на стульях перед султанской комнатой. Для вызова кого-нибудь или исполнения какого-нибудь поручения султан обращался к ближайшему из сидящих евнухов. Чернокожие евнухи, служившие в гареме, назывались гаремагасы.

В их обязанности входило надзирательство за наложницами, однако, несмотря на строгости и надзор гаремагасы, наложницы ухитрялись заводить любовные связи с дворцовыми албанцами-садовниками. Если они попадались, их ссылали в Таифе, а албанцев - на их родину.

Султан Гамид получал ежемесячное жалование в пятьдесят тысяч золотых, в его казну стекалась почти четверть доходов государства, и тем не менее он брал взятки.

Особенно большие суммы он получал за просвоение званий, различных привилегий.

В период моей дворцовой службы основными посредниками при даче взяток выступали придворный Рахип-паша, морской министр Гасан-паша, командующий Али Саиб-паша. В связи с этим приведу любопытную историю, рассказанную мне лично командиром офицерского корпуса Измаилом Фазил-пашой.

Один банкир, некто Накермакерс просит монополию на строительство железной дороги. Как и все остальные, он обращается за посредничеством к Рахип-паше, который тогда еще не был министром. Рахип-паша сообщает султану Гамиду размер предлагаемой суммы, а Накермакерсу предлагает зайти за окончательным ответом на следующее утро к нему домой.

Султана Гамида, однако, предложенная сумма не устроила: "Столько-то золотом, иначе - отказ..." В тот же день к вечеру Рахип-паша заболел, у него начались сильные колики, ушел домой - отлежаться и подлечиться. Ночью и под утро султан Гамид несколько раз посылает к нему человека справиться о здоровье. Боли продолжают. Рахип-паша в полдень посылает султану за-

писку: “Приходил г-н Накермакерс. Я сообщил ему о требуемой сумме. Он не согласился. Дает не больше столько-то золотом. Сожалею, что по причине болезни не могу лично засвидетельствовать свое почтение Вашему Императорскому Величеству. Как Вы прикажете, так я и передам...”

Султан Гамид пишет на обратной стороне записки: “Скажи ему, что не меньше столько-то золотом”.

Колики Рахип-паши были симуляцией - он хотел заполучить записку, написанную самим султаном.

На следующий день он приходит во дворец и говорит султану: “Вам нельзя доверять. Вы завтра уничтожите того, кого сегодня защищаете. Я должен был обезопасить себя. Записка о взятке Накермакерса с Вашим собственноручным ответом спрятана в надежном месте. Если я окажусь в опасности или умру не своей смертью, ее размножат и распространят по всему миру. Не тронете меня, все останется между нами”.

Султан Гамид очень сожалел об этой оплошности, но сделанного не воротишь. Действительно, Рахип-бей до конца оставался на своей должности и сумел скопить состояние в пять миллионов золотом.

Подобно султану Мураду под неусыпным наблюдением и охраной пребывали и престолонаследник со всеми принцами крови. Они посещали в Йылдызкешке заведение под громким названием “школа”, где полуграмотные преподаватели учили их читать-писать и четырем арифметическим действиям.

* * *

После счастливого и победного 1908 г. мы, все ссыльные, вернулись в К-поль. Через неделю после моего приезда я почувствовал первый холодок от действий иттихадистов.

Партия разделилась на две части. В первой были люди состоятельные, во второй - голодранцы, не имевшие за душой ни гроша.

Эти ради собственного благополучия были готовы выполнить любой приказ, стать орудием убийств и грабежа.

Первые были люди образованные, повидавшие мир. Но и они употребили все свои знания и возможности для удовлетворения личных амбиций, во зло людям.

Мне было не по пути ни с теми, ни с этими; между нами установились откровенно холодные и враждебные отношения.

Следствием этого стала новая ссылка, будто недостаточно было семнадца-

ти лет, проведенных в Тигранакерте, Харберде, Алеппо, Дейр-эз-Зоре. Я был вынужден опять уехать в Алеппо.

Здесь я уже во второй раз стал свидетелем армянских погромов.

Меня без ведома К-поля назначили директором колледжа Алеппо. Меня воротило от всего, что происходило в Турции, от ее политики и действий ее правительства, поэтому я старался не заговаривать на эту тему, однако несколько доверенных мне человек сообщили о о появившихся призывах к войне.

Как-то ко мне пришел мой давний и искренний друг Овсеп Бояджян, который начал рассказывать с болью в голосе:

-У меня поместье в Личе (поселок в Тигранакертском вилайете). Ты знаешь, я хочу продать его, послал туда сына, Карапета, теперь узнал, что армян Личе вырезали, наверняка и сын мой погиб.

Я любил Карапета не меньше его отца; он был единственным сыном, опорой и надеждой родителей. Спросил, откуда у него эти сведения, посылал ли он телеграмму.

- Нет, телеграммы послать не додумался, - отвечал мне несчастный отец.

Побежал со всех ног на телеграф. Ответа не получил и до сего дня не знает, что произошло с его сыном.

После этого плохие известия стали поступать уже ежедневно. В один из дней я повстречал на улице толпу людей - стариков, детей, больных, которые еле шагали, подгоняемые штыками, палками и плетями жандармов.

У многих опухли ноги, они с трудом передвигались, часть из них помогала идти больным, некоторых просто тащили.

Подошел к одному из жандармов:

- Кто это такие?

- Армянские переселенцы.

- Откуда идут?

- Из Себастии.

- Почему же их переселяют? Войны в Себастии нет. И потом - зачем эти штыки, дубинки? Что это значит?..

Подошел высокопоставленный армейский офицер. Между нами состоялся следующий диалог:

- Это переселенцы, идут из Себастии. Не могу понять, зачем их переселяют. Что там происходит, в Себастии?

- Это переселенцы, ничего в Себастии не происходит.

- Тогда зачем их переселяют?

- Армян выселяют из их краев, правительство решило переселить их в другое место.

-Ладно, но в чем причина-то?

- Там начались волнения. Идет война, правительству не нужна лишняя головная боль.

- Где конкретно происходят волнения?

- Везде.

Понятно. Возможно, где-то пара-другая выпивох и совершила что-то не-потребное, правительство воспользовалось подвернувшимся поводом для организации беспорядков, погромов и грабежа. Было очевидно, что чиновники, жандармы, войска не упустят возможности, тем более что в первый раз остались безнаказанными и хорошо поживились.

Между прочим, должен сказать, что вскоре после харбердских событий я был вечером в гостях у Ншана-эфенди Арпиаряна. Завязалась дружеская беседа.

”Не смотрите на эти события как на дело прошлое. Я вот читал рассказ про английского лорда, который взял в дом тигренка, выкормил его. Зверь вырос совсем ручным, как собака бегал за хозяином. Как-то принялся лизать ему руку, а язык у тигра как напильник, содрал кожу, почуял запах крови, стал рвать хозяина. Тот ухитрился позвать слугу, слуга застрелил зверя, спас хозяина от смерти.

Армянский вопрос очень похож на эту историю с тигром. Турки почуяли запах крови, будьте уверены, через пару-другую лет обязательно найдут повод, повторяют все эти ужасы; при таком раскладе договариваться о чем-то с турками бессмысленно и глупо.

Надо перебираться в Европу или в Америку, туда, где есть возможность создать когда-нибудь Армению; надо собираться в одном месте, там основать новый дом.

Это будет сопряжено с неизбежными трудностями, часто с тоской по родине; понадобится много денег, много жертв, но, по-моему, это единственная возможность уцелеть; больше того, что имеем, можно получить скорее благодаря политике и дипломатии, чем оружию”.

В прошлом году в Александрии встретил Назарета-эфенди Кюркчяна, он сказал:

- Ты тридцать лет назад предвидел все это. Я тогда послушался тебя, продал землю, все имущество, спасся от судьбы моих соотечественников.

Так со слов армейца я понял, что тигр почуял запах человеческой крови.

Возвращаясь, перед самым домом встретил еще одну группу: две женщины с трудом тащили под руки больную старуху, еле передвигавшую ноги, в руках одной был ребенок, суший скелет. За ними с плачем шли четверо детей; младшему было лет шесть, старшему - десять.

- Это мой дом, заходите скорей, пока солдат не видно, только не подавайте виду, что мы не знакомы, - сказал я.

Бедняжки подняли к небу глаза; видно было, что молились и благодарили.

Незаметно за мной вошли в дом. Я тут же велел нагреть воды, сказал им опустить ноги в воду - они у всех были опухшие, накормил супом, жена принесла белье, одежду, они немного успокоились, спросил, откуда идут. Ответила старуха:

- Мы тигранакертские, меня Мариам зовут, эти две женщины мои дочери, Анна и Азнив, а дети - Анны. Мы в Тигранакерте очень хорошо жили, в достатке, только как-то вломились к нам в дом жандармы, забрали обоих зятьев, увели, через час вернулись за нами. С собой ничего не разрешили брать, ни белья, ни одежды, ничего. У нас немного денег было на черный день, взяли тайком от них, да еще украшения дочек. Погнали пешком. От Тигранакерта досюда пешком шли, по дороге жандармы отобрали деньги и драгоценности, надругались над дочерьми. Нас в Дейр-эз-Зор гонят; мы еще дня два сможем идти, а там ляжем и помрем в пустыне.

У бедных женщин на глазах стояли слезы.

Двухмесячный малыш умер через два дня. Остальные до недавнего времени оставались в моем доме.

С этого дня я начал укрывать у себя ежедневно по несколько человек стариков, женщин, детей из проходивших мимо этапов.

Мы слушали их рассказы о пережитом; разум отказывался верить, что такое возможно.

Мы начали по возможности лечить этих несчастных. Многих из них вернул к жизни доктор Алтунян, которому все, и я в том числе, навеки будем благодарны за его заботу. Среди групп ссыльных было очень мало мужчин, а среди харбердцев и себастийцев их не было вовсе.

Палач Себастии наместник Муамер-паша приказал перебить их всех еще в Себастии.

Харбердцы были все расстреляны по его приказу в местности под названием Кемурхан между Харбердом и Малатией, а трупы сброшены в Евфрат.

Как-то я проходил по алеппскому рынку Чивтейте; рядом у церкви тут и там сидели группами несчастные армяне. На изможденных лицах ни кровинки, одни кожа да кости, казалось, что это просто скелеты, почему-то еще живые.

Прямо на земле сидел парень лет тридцати; положив голову на его колени, рядом лежали две женщины - старая и молодая.

На руках он держал годовалого ребенка. Обе женщины и ребенок были уже мертвы; помирал и он сам. Это была вся его семья - мать, жена и ребенок.

До сих пор не могу с содроганием вспоминать эту страшную картину. Господь никогда не простит тех, кто совершал эти ужасные злодеяния.

Однажды рано утром мне сообщили, что меня хочет видеть мой знакомый Чракян Карапет-эфенди, служащий в управе.

Я пригласил его войти. С ним был седоусый незнакомец. После обычного в таких случаях приветствия Карапет-эфенди начал свой рассказ:

- У меня к вам просьба, умоляю, помогите, если возможно. Это Оганес Саепалян, один из видных людей Конии. Его со всей семьей - жену, сына, дочь, приемного сына в один день выслали из Конии, не дав времени на сборы. С невиданными мучениями добрались сюда. Теперь их отправляют в Дейр-эз-Зор. Что будет с ними - им самим, женой, родным и приемным сыном, их не заботит. Смерть или убийство по дороге - желанный конец мучениям. Об одном они просят - спасите дочь, не дайте ее обесчестить. Честь для них важнее самой жизни. Вы учитель в школе у германцев, мы знаем, что вас уважают; помогите пристроить ее в школу на любую работу. Они потеряли все - им теярьт больше нечего, они уйдут в пустыню на смерть - спасите девушку.

Я не мог сдержать слез. Отец со всей семьей шел на смерть - и думал только о спасении чести своей дочери, о спасении ее от поругания.

Я обещал плачущему отцу сделать все, что в моих силах, чтобы устроить его дочь в школу и спасти от бесчестия.

Между тем подошло время идти в школу - я попросил их дожидаться моего возвращения.

Я пошел в германскую школу; в их школах, и мужской, и женской, я был единственный учитель со стороны, преподавал турецкий язык - все остальные были свои. Меня действительно любили и уважали; я изложил свою просьбу директорисе, постаравшись разжалобить ее своим рассказом. Она мне сухо отказала: "Армянских ссыльных не берем, да и жить у нас негде, интерната нет". И ушла.

Я вышел из школы в страшном волнении. Неотрывно думал, как же помочь этой семье, как сказать несчастному отцу, что мне отказали... Наконец нашел выход.

Я даже обрадовался отказу директорисы. Вернулся домой. Саепалян-эфенди сидел с видом преступника, ждущего казни или прощения, смотрел мне в рот, ожидая спасительных слов.

- В школе отказали, но это и к лучшему. Так спаслась бы только ваша дочь, а вы сами погибли бы. Нет... я вас просто не выпущу из моего дома. Оставайтесь всей семьей. Правда, дом у меня не очень большой, да и живет в нем сейчас человек сто, не меньше, но ничего, потеснимся, так даже лучше. В крайнем случае, сниму другой, побольше.

Несчастный отец несказанно обрадовался, словно я ему с семьей место в раю предложил. А я вскоре действительно снял дом попросторнее.

Дочь Саепаляна-эфенди болела тифом, тогда очень распространенным. С большим трудом нашли подводу, кое-как перевезли к нам домой.

Незамедлительно приехал и доктор Алтунян, добрый спаситель всех несчастных и больных. Он смог вылечить и поставить на ноги не только саму девушку, но и заразившихся от нее родителей.

К сожалению, не смогли спасти приемного сына - он умер от той же болезни четырнадцати лет от роду.

С этой семьей мы прожили под одним кровом четыре года, до заключения мира. И сегодня мы помним их, помним их благородство и честность.

Мадмуазель Зварт Саепалян очень хорошо владела французским, отлично играла на пианино; ее воспитание, образованность и скромность были выше всяких похвал.

В это время встретить на улице группы по пять-шесть человек, роющихся в кучах отбросов, чтобы найти хоть что-нибудь съедобное, которое тут же поглощалось, было обычным делом. Я не мог проходить мимо этих несчастных, приводил наиболее изможденных и больных к себе домой или в колледж, где был директором, давал им кров; слушал подробности их страшных историй.

Среди были люди с университетским образованием, носители светлых и возвышенных идей, обладатели в недавнем прошлом больших состояний - все они примирились со своей теперешней участью.

Среди сосланных в Дейр-эз-Зор был и Безирджян Арменак. По дороге из Аданы он заболел тифом. Прележал в конюшнях арабских сел, зарывшись вместо постели в навоз, и даже в таком состоянии жандармы его постоянно избивали.

Выжил, пошел дальше к Дейр-эз-Зору, несколько раз бежал, с каждым разом приближаясь к Алеппо, куда и добрался в конце концов.

Его привели ко мне полуголового, в каких-то страшных отрепьях. Но лицо было полно благородства, того аристократизма, которое нельзя вывести. Я, во-первых, принял его на службу. Правительство выдавало продовольственные пайки всем своим служащим, независимо от должности.

Еды выдавали много; одной пайкой можно было прокормить четыре-пять человек.

Прошло несколько месяцев, Арменак-эфенди получал свои продукты, но по-прежнему ходил в обносках. Я как-то сказал ему:

- Арменак-эфенди, ты же паек свой весь не съедаешь, обменяй на сколько-нибудь приличное платье.

- Спасибо вам; паек я и в самом деле весь не съедаю, но...

- Но что...?

- У меня был младший брат. Я сам холостой, а брат был женатый. Нас из Аданы выслали всех вместе - меня, брата, невестку с двумя маленькими племянниками. Невестку с детьми хлопотами мерсинца Петеляна Артина-эфенди, который перебрался сюда еще до этих событий, удалось оставить здесь. Меня с братом погнали дальше, в Дейр-эз-Зор. Его убили в дороге, жизнь потеряла для меня всякий смысл. Через какие мучения и лишения я прошел, пока ради моей невестки и племянников добрался сюда, знает только господь бог; продукты, которые я экономлю, я им посылаю. Нет у них кроме меня никого...

Я крепко пожал ему руку, восхищенный благородством этого человека, бывшего когда-то на родине известным купцом. На следующий день он привел к нам свою невестку с племянниками. Они поселились у нас и скоро я перепоручил им все заботы по дому.

В Харберде был у меня добрый знакомый по имени Тарагчян Григор-эфенди, крупный землевладелец, член местного собрания, человек, достойный всяческого уважения. Не погрешу против истины, если скажу, что не было во всем Харберде человека, которому бы он не помог.

Семья его, конечно же, была счастлива, окруженная почетом и уважением.

Скончался мой младший внук. Я был тогда директором колледжа; на похороны пришли засвидетельствовать свое уважение все студенты; оркестр Имперского и Художественного училищ играл траурные мелодии.

Гроб был поставлен во дворе; в это время вдруг во двор вошла босоногая женщина в отрепьях, увидела собравшихся людей, гроб в середине, расплакалась и потеряла сознание. Я подбежал к ней, мы побрызгали воды ей на лицо, дали понюхать нашатыря, привели в чувство; две женщины из присутствовавших взяли под руки, отвели в дом, я пошел следом.

- Почему ты так разволновалась, дочка?

- ...

- Говори, доченька...

- Эфенди, у меня большое горе. Вся моя надежда на вас была, да только у вас самих несчастье, не вовремя я...

- Мое несчастье от Господа. У тебя какое горе, откуда ты родом будешь...?

- Из Харберда я, дочь Тарагчяна Григора...

Теперь уже заплакал я. Поверьте, никогда не думал увидеть в таком состоянии дочь моего друга, которую он холил и лелеял, с которой сдувал пылинки...

Взял за руку, сел рядом:

- Мы с твоим отцом как братья близки. Считай, что ты у своего дяди. Сядь, успокойся, здесь ты в безопасности.

- Спасибо, но я...

- Что "но", доченька?

- Моих детей и вещи повезли на станцию - нас в Дейр-эз-Зор отправляют, в Рес-эль-Айн. Узнала, что вы здесь, помогите, мне не к кому больше идти... , а у вас свое горе...

- Оставь мое горе, где твои отец с матерью..?

- Обоих убили.

Я не смог найти слов для утешения несчастной; мы вышли с ней на улицу, я подозвал одного из знакомых, сказал, чтобы задержали похороны на пятнадцать-двадцать минут, сели на извозчика, поехали на станцию. Начальник станции был моим другом, отпустил детей.

Эта несчастная женщина вместе с детьми пешком дошла из Харберда до Алеппо, по дороге ее ограбили, отняли деньги и драгоценности. Бедняжка решила покончить с собой; в Урфе взяла детей, пошла в тифозный барак, хотела заразиться и помереть вместе с детьми, чтобы спастись от мучений.

Ночь провели в бараке, утром пришел врач, увидел, что они не больные, а здоровые, выгнал вон.

Дочь Тарагчяна-эфенди, а также другие харбердцы, у которых я расспрашивал про моих знакомых, рассказали, что какой-то мулла в чалме похитил и изнасиловал двух дочерей Согомона-эфенди Фрунчяна.

Это так действовало на их мать, что та бросилась с малолетним невинным ребенком в Евфрат и утопилась.

Так же поступили еще человек двадцать девушек: спасая свою невинность, они предпочли умереть, но уберечь свою честь и тоже бросились в Евфрат.

Асим-бей, из политических служащих, рассказывал:

- Был по торговым делам в Пехисни, возвращался по реке на лодке. Из реки нельзя было воду пить - Евфрат был полон трупов, связанных по восемьдесят человек, чтоб не выплыли...

Среди них были женщины и дети. Я всем запретил несколько лет есть рыбу из реки; не могу описать зверства, которые чинили жандармы: требуя денег, они избивали женщин и многие из них скончались от побоев.

Увидели, что одна из них проглотила два золотых. Обыскали, когда не нашли других денег, начали вспарывать животы всем подряд и совершенно спокойно копаться в желудке и кишечнике несчастных.

Возле Пихтини стал свидетелем еще одного зверства.

В Дейр-эз-Зор гнали группу из пятидесяти-шестидесяти человек. Я встретил их по дороге. Шесть жандармов отделили человек пятнадцать, окружают их и говорят:

- Мы вас в Дейр-эз-Зор гоним, там вы все перемерете. Хотите спастись, об-

ращайтесь в магометанство, мы позовем муллу из села неподалеку, вам сделают обрезание, станете мусульманами.

Бедные люди, не видя выхода, поневоле соглашались. Зовут муллу, тот делает им обрезание, потом жандармы говорят:

- Вы сейчас стали мусульманами, если помрете, попадете в царство райского блаженства; этой чести в первую очередь удостоиваются мученики, поэтому вы станете ими.

И убивают всех.”

По лицу Асим-бея текли слезы, когда он рассказывал все это.

И таким рассказам не было числа.

Раз я возвращался домой поздно вечером по оживленной улице Баб-эль-Фарадж. До дома надо было пройти всего метров пятьсот. Прямо на улице я насчитал пятнадцать трупов. Бедняги погибли, не вынеся голода, побоев жандармов и ужасов пути. Каждое утро по улицам разъезжали выделенные городским правлением повозки, собирая трупы.

Хоронили их без каких-либо религиозных церемоний. Сваливали прямо в ямы, в чем были, друг на друга. Среди них случались и еще живые, которые, чтобы прекратить мучения, сами бросались в эти ямы и их засыпали заживо.

Военное командование открыло в городе много мастерских, где работали оставшиеся без средств к существованию женщины и девушки. За двенадцать часов ежедневной работы они получали по одному солдатскому хлебу, но страх быть угнанным в Дейр-эз-Зор и погибнуть там заставлял их соглашаться и на это.

Но даже работая на военное министерство, эти несчастные не были в безопасности.

Армейские и жандармские офицеры, пятидесятники, даже простые солдаты могли заявиться в эти мастерские и забрать себе для утех понравившуюся женщину или девушку.

Эюб-бей и Абдулхат-бей - имена этих двух чиновников, служащих в Особой комиссии (*организация младотурок, непосредственно осуществлявшая депортацию - Р.М.*), внушали ужас изгнанникам. Армянин, попавшийся им на глаза, мог считать себя мертвым.

Врач Алтунян спас от верной смерти тяжелобольную дочь моего харбердского знакомого Пилоса Арпиаряна, а также Элмас-ханум из Себастии, которая в пустыне ела траву, чтоб не помереть с голоду, и страдала болезнью кишок, и тридцати четырех невинных детей из разных краев страны - сколько бы мы его не благодарили, все будет мало.

Не отставала от своего отца, доктора Алтуняна, и его дочь мадмуазель Нора, великодушная и благородная девушка. Она смогла отстоять созданный

ею же приют для сирот и уберечь его от разных нападков и каждодневных вмешательств.

Доброму сердцу и душе мадмуазель Алтунян обязаны своей жизнью более тысячи несчастных детей, которых она спасла от смерти.

В один из дней правительство решило собрать десятинный налог. Поскольку взимать его должны были правительственные же чиновники, а в школах были каникулы, сочли возможным привлечь к этому учителей.

Мне назначили собирать налог в уезде Этлеп, в одиннадцати часах пути от Алеппо.

Я сидел в кабинете у каймакама, когда к нему вошли два армянских священника в изодранной одежде, изможденные голодом, что явственно читалось по их лицам.

- Мы ссыльные, уже год живем здесь, раньше нам немного зерна давали на еду, теперь перестали. Умоляем вас, разрешите выдавать хоть немного хлеба, помираем с голоду...

- Ладно, обязательно распоряджусь, чтоб выдавали, - ответил каймакам.

Оба несчастных вышли со словами благодарности.

Каймакам заскрежетал им вслед зубами:

- Хлеба хотите...? Я вам свинца дам, свинца!

Я в душе проклял этого бессердечного человека: люди пришли к нему в последней надежде на помощь, а он их убить хочет.

Вернувшись домой, позвал Безирджяна Арменак-агу, с которым мы не расставались, и сказал ему:

- Здесь два армянских священника есть...

- Есть...

- Ты с ними встречаешься?

- Встречаюсь...

- Как они живут, что едят..?

- Очень плохо, хуже некуда; куска хлеба не видят...

- Что же ты мне о них ничего не говорил..?

- Так и без них вон сколько бедняг на вашем попечении, мне и говорить неудобно было...

- Арменак-ага, в первый раз ты меня огорчаешь - постарайся исправить ошибку. Найди этих несчастных, попроси от моего имени, приведи сюда...

Арменак-ага, скромный от природы человек, покраснел, застыдился, однако пошел за священниками.

Я усадил их рядом, постарался утешить, подбодрить:

- Мне жаль, что я не знал вас раньше, только сейчас узнал о вашем положении, когда встретил у каймакама. Прошу вас, никогда больше не обращайтесь

к нему, он бессердечный человек. Он вам вслед угрожал. Я сам постараюсь помочь чем смогу.

Они ушли ободренные.

Я помогал им до самых последних дней. Один из них был духовный предводитель Зейтуна Бардугимеос Тагчян, второй - настоятель монастыря св. Карапета Смбат-эфенди. Бедные люди питались горькими как яд недозрелыми оливами, опавшими с деревьев. Сейчас, когда я бываю в Иерусалиме, неизменно пользуюсь почетом и уважением о. Бардугимеоса.

Был январь, холодное, промозглое утро, воздух, казалось, никак не мог прогреться. Я зашел к каймакаму домой по делу; он мерз хуже меня - в маленькой комнате стояла жаровня и топилась печка. Мы выпили пунша чтоб согреться.

Вышли и пошли в городскую управу. Вошли во двор управы и оба словно остолбенели, застыли от изумления: под стеной съжились, сбившись в кучу, двадцать два ребенка от шести до десяти лет. От них шел какой-то страшный звук, похожий на тихий гул. Лохмотья одежды еле прикрывали голые, изможденные тельца - одни кожа да кости, настоящие живые мертвецы.

Их матери работали в государственных мастерских Алеппо. Чтобы оставшиеся без надзора дети не бродили по улицам, правительство распорядилось собрать их и отослать в управу - в такой холод голодных, едва одетых, босых.

Их отправили в Этлеп из поселка Джисты Шикур; по дороге эти дети, не найдя даже травы, ели землю, чтобы заглушить чувство голода.

В кабинете я сказал каймакаму:

- Я знаю, Вы иттихадист и считаете армян своими врагами. Но скажите мне, ради бога, какие преступления совершили эти четырех-пятiletние дети? У нас у самих есть дети, каково будет нам узнать в один из дней, что и с ними поступают так же? Если вы верите в Бога, как же вы допускаете, что Ему приятно видеть это; вы уверены, что завтра Он не поступит так же с нашими детьми?

Вы отреклись от Бога, но неужели нет у вас стыда и жалости?

Или мы должны признать, что человек хуже дикого, безжалостного зверя, потому что даже звери не поступают так с себе подобными?

Если бы кто-то сказал нам, что эти невинные существа, еще вчера беззаботно бегающие, играющие в своем доме и саду, прыгающие на коленях отца, безмятежно спящие в объятиях матери, сегодня окажутся в таком ужасном состоянии, мы бы высмеяли его, назвали бы дураком и злодеем.

И кто может обещать нам, что наши дети не будут подвергнуты стократно более жестокому обращению?

Кто может заверить, что Господь не покарает нас?

Каймакам-бей! Оставим безнравственную политику правительства, давайте подумаем: если сегодня мы сжалимся над этими невинными детскими душами, может, завтра сжалятся над нашими детьми. Вы знаете, ислам считает детей невинными и беспорочными уже из-за их возраста; они, если умрут, то направятся прямо в рай. Как же мы смеем наказывать этих детей, если сам Господь освобождает их от наказания?

- Согласен, но что я могу сделать?

- Каймакам-бей, эти дети ближе к смерти, чем к жизни. Они умрут не сегодня так завтра, кто с вас спросит за них? Отдайте их мне, подарите...

- И что будете с ними делать?

- Постараюсь, насколько в моих силах, вернуть им жизнь и здоровье. Я воздену руки к небу и стану молиться: "Господи, когда придет день справедливости и воздаяния за грехи, не оставь меня среди преступников и убийц".

- Ну и забирайте себе, делайте с ними что хотите...

Я не стал терять даром ни минуты, тут же собрал детей, отвел их в полуразрушенную греческую церковь неподалеку; одна из келий в ней была сравнительно целая, завел туда, послал Арменак-агу на рынок купить штук двадцать-тридцать циновок и несколько корзин угля.

Часть циновок постелили на полу, несколькими закрыли разбитые окна. Бедняжки до того замерзли, что один семилетний малыш залез в огонь и обжег себе локоть; за двадцать дней только вылечили ожог. В Этлепе жили две-три армянки-изгнанницы, позвали их, я попросил присмотреть за детьми несколько дней, пока придут в себя; просьба была принята с благодарностью, сварили горячего жидкого супа, стали кормить.

Я щедро заплатил врачу городской управы, попросил быть внимательным к детям; к его чести, он сделал что мог. Слава богу, все дети выжили, кроме одной девчушки, которая скончалась той же ночью.

Мой дом в Этлепе был неудобен для проживания такого количества людей, я распределил часть детей среди христианского населения.

Отец Смбат по моей просьбе стал расспрашивать малышей, записывать как зовут, кто родители, откуда родом. Вдруг смотрю - выронил из рук тетрадь, плачет навзрыд: одна из малышек оказалась его племянницей, дочерью брата. Сцена эта - дядя, обнявший свою найденную племянницу, была трогательной и печальной. Моя дочь взяла эту девочку к себе в приемные дочери.

Младший сын моего давнего друга Овсепя Бояджяна, Айк, был приговорен к повешению. Причиной была женщина легкого поведения. Молодого, красивого, сильного парня должны были убить на основе облыжных показаний жандармского комиссара.

Смерть его свела бы в могилу и его родителей.

Чтобы спасти парня, я придумал целую историю, о которой и сейчас не могу вспоминать без смеха. Дело вел председатель военного трибунала; я никогда не имел с ним дела и не знал его сильных и слабых сторон. Начал незаметно интересоваться, узнал, что у него есть единственный сын, в котором он души не чаёт, живет только ради него и исполняет его малейшие желания. Мальчик ходил в имперскую школу, до этого поменял несколько других и нигде не мог ужиться.

Вызвал к себе своего управителя, коренного айнтапца Акоба Джемеджяна, велел ему познакомиться с пареньком и постараться, чтобы он перешел в нашу школу. Акоб-эфенди приметил парня во время игры в футбол, сблизился с ним и сделал как я говорил.

Акоб-эфенди Джемеджян скончался в прошлом году в Мансуре совсем молодым. Это был честный, серьезный человек, хороший учитель; его смерть была большой потерей для меня.

Некоторое время спустя сын председателя перевелся к нам. Я работал во многих школах, но более наглого, более развращенного ребенка не встречал нигде. Начал вызывать его к себе каждое утро, хвалить, ставить хорошие отметки за поведение, хотя по справедливости ему и самой плохой было много.

Парень был ленив до крайности, каждый день к обеду я вызывал его и говорил: “За твое примерное поведение я разрешаю тебе выйти погулять на два часа”. Он, счастливый, пулей летел на улицу.

Все учителя мучились с ним из-за его бесстыдства и безграмотности. Сложилась невыносимая ситуация: учителя и ученики жаловались на него, требовали приструнить, мне приходилось успокаивать их, уговаривать; для исполнения задуманного я был вынужден терпеть этого остолопа.

В мои планы были посвящены учителя Джемеджян Акоб, Кепенлян Седрак и Намзарян Левон; нам приходилось терпеть эту напасть, чтобы спасти Айка от виселицы.

После заключения мира Седрак Кепенлян издавал в Адане армянскую газету “Ай дзайн”. Весьма образованный, опытный, честный человек, он сейчас живет на Кипре, где стойко перенес выпавшие на его долю испытания: только-только начал приходить в себя, как скончалась его супруга, он остался с единственным ребенком. В нашей школе он вел уроки физкультуры, затем французского, под конец начал работать и счетоводом. Достойный во всем человек, поистине драгоценный камень в короне, дай бог ему удачи и счастья.

Мы начали исподволь выпытывать у палачей сведения о “комитетчике” Айке. Какой только напраслины и оговоров мы не слышали! Но вот я наконец получил благодарственное письмо от председателя трибунала. Настало

время действовать. Я пошел к врачу железнодорожной компании Галип-бею, бывшему в то же время другом Овсеп Бояджяна.

- Ну, смотри, пора освобождать Айка.

- Как?

Я рассказал ему о сыне председателя трибунала, посвятил во все подробности моего плана.

- Отлично, что думаешь делать дальше?

- Вот, написал прошение на имя председателя. Дадим Овсепу-эфенди, пусть перепишет набело, а этот уничтожим. Пусть Овсеп-эфенди сам подаст прошение.

Вот этот текст:

“Я не имею совершенно никакого отношения и никак не связан ни с комитетом, ни с политикой. Меня оговорил жандармский офицер из-за проститутки. Я получил письмо без подписи, в котором мне предлагали положить сто золотых в условленное место, иначе угрожали убить меня. Я догадался, что письмо написал тот же жандармский офицер и сразу же обратился к директору Мустафе Недим-бею, объяснил ему суть дела. Он сказал, что “не надо делать подлости, чтобы тебе не ответили тем же” и не придавал моим словам никакого значения. Выйдя от него, я пошел к доктору Галип-бею; и он прогнал меня с теми же словами. Будь я комитетчиком, стал бы я обращаться к этим людям?”

Галип-бей прочитал прошение, затем добавил:

“Так это или не так, а быть лжесвидетелем плохо. Впрочем, чтобы спасти невинного человека от виселицы, можно и лжесвидетельствовать».

Мы позвали Овсеп, объяснили ему, как действовать, дали переписать прошение. Бедный отец, уже потерявший надежду увидеть старшего сына живым, расплакался, стал насильно целовать мне руки. На следующий день подал прошение, нас вызвали в суд.

Мы подтвердили написанное в прошении, я еще отдельно просил председателя смилостивиться, освободить Айка. Вот так этот безалаберный наглец, сын председателя трибунала, независимо от себя помог спасти невинного человека.

Мое бесхитростное перо не в состоянии описать все происходящее в Дейр-эз-Зоре, все совершенные там преступления, подобных которым не было в истории и уже не будет. Сказать людям: “Вы прощены и свободны”, дать им переправиться на другой берег Евфрата и хладнокровно перебить там сорок-пятьдесят тысяч человек; бросить в пещеры больше десяти тысяч детей, облить нефтью и сжечь - сколько было совершено таких преступлений, не укладывающихся в человеческом сознании.

В Дейр-эз-Зор было согнано около ста пятидесяти тысяч человек из раз-

ных краев. Это небольшой город на берегу Евфрата с приятным климатом, плодородной землей и хорошей водой.

Жить в этом городе - наслаждение. Годами он оставался в стороне от политики, от цивилизации и ее благ. Армяне начали облагораживать его. Однако нет сомнения, что это сто шестьдесят тысяч лишь десятая часть тех несчастных, что были изгнаны из своих домов, погибли в дороге, были убиты, умерли от голода и лишений.

Перед отправкой в Дейр-эз-Зор пригнанных в Алеппо армян заключали в лагерь неподалеку от городка Гарлик. Это было место, похожее на те, куда мясники сгоняют животных перед бойней. Попадающие в Гарлик несчастные были обречены на смерть.

В селах вокруг Алеппо, особенно в Азазе, Гатме было множество армянских женщин и девушек. Эти села "прославились" зверствами над армянами. Много армянок находились у кочевых арабов в Мескене, Эпюхюрейре, Хемаме и Сепайи. После заключения мира смогли освободить только часть из них; большинство так и осталось у арабов.

Все сто семьдесят три армянки, бывшие на моем попечении, были переданы своим близким и дальним родственникам. Осталась только одна девочка, которая не помнила ни места своего рождения, ни родителей, ни даже своего имени. Малышка сейчас учится в интернате в Алеппо.

Тем не менее я не теряю надежды. Если ее родители не найдутся, мы удочерим ее.

Мы были свидетелями невиданного взяточничества и вымогательства. В последнее время появилась новая их форма. Рано утром, еще до восхода солнца, жандармы брали веревки длиной метров пятнадцать и выходили на улицы. Ловили первых же встречных армян, связывали и без разговоров тащили в ущелье. Бедняги не могли сказать, что они не дезертиры, не могли и сказать, что они армянские ссыльные, потому что первых тащили в комендатуру, а вторых - в Гарлик, откуда, как я сказал, не возвращались.

Единственное спасение - сунуть жандарму деньги, но и это не всегда помогало, потому что освободившийся от одного жандарма попадал в лапы другого. Мне однажды семь раз за день пришлось спасать от веревки Арменака-агу.

Раз и я был вынужден дать взятку в десять золотых, чтобы спасти единственного сына Артина-эфенди Петеляна.

Многих армян забрали в армию. Оружия им не давали. Сразу после этого выслали их семьи; спаслись за большие взятки и благодаря высоким покровителям лишь немногие.

Иногда приходили приказы от Энвера или Талаата с требованием не тро-

гать тех или иных армян, но я хорошо знаю, что вслед за этими приказами поступали другие, зашифрованные, отменявшие первые и требующие обратного.

Невозможно отречься от тех несомненных заслуг, которые имели перед Османской империей г-а Зограб (*Григор Зограб (1861-1915) армянский писатель, публицист, общественно-политический деятель. Юрист по образованию. Депутат Османского парламента 1908-1915*), Вардгес (*Серенкюлян Вардгес (1871-1915), деятель армянского национально-освободительного движения, член партии "Дашнакцутюн". Депутат Османского парламента*) и Келекян Тиран (*один из основателей журналистской школы в Османской империи, ученый, общественный деятель, профессор Оттоманского университета, главный редактор газеты SABAH, автор "Турецко-французского словаря"*). Эти три заслуженных деятеля были высланы одновременно и безжалостно убиты по дороге за Урфой.

Столь же заслуженным и уважаемым человеком был Оганес-эфенди, член судейской коллегии города Урфы. Это тот человек, что оказал неоценимые услуги Алие, Малике, Неврес и Селме - сестрам Ахмеда Риза-бея и Махмудубею, его зятю. Этот Ахмед Риза-бей при султани бежал в Европу, а после революции стал первым председателем Палаты депутатов Парламента.

Когда стало ясно, к чему идет дело, Оганес-эфенди почел за благо отказаться от должности и переселился в Алеппо со своей женой и сыном.

Спустя некоторое время под надуманным предлогом дачи показаний его срочно вызвали в Урфу. На следующий день мы узнали, что его убили по дороге, в двух часах пути от Алеппо. Оставшиеся беззащитными жена Мариамханум и сын Жозеф жили у меня до последнего времени.

Я постепенно разыскал родителей и родственников спасенных мной в Этлепе детей, они вновь обрели семьи. Ужасна история одной девочки из Себасти, Тагуи. Ей было шесть лет, когда в дороге ее тринадцатилетнюю сестру хотел изнасиловать жандарм. Ребенок стал отчаянно сопротивляться, рассвирепевший жандарм бросил ее в реку Кизил-Ирмак. Ее братья восьми и десяти лет стали защищать сестру, безжалостный изверг заколол обоих штыком. Все происходило на глазах несчастной матери, которая с единственной оставшейся в живых дочерью дошла до Алеппо и устроилась в одну из мастерских. Когда же пропала и Тагуи, мать, не выдержав горя, сошла с ума и попала в сумасшедший дом. Об этом мне рассказали армянки, работавшие с ней.

Я неколебимо уверен, что Господь накажет всех тех, кто замыслил и сотворил столь невиданные и неслыханные злодеяния.

Если бы я описал все, чему я был свидетелем и что слышал, получилась бы книга в тысячу страниц.

Пусть Господь проклянет этих извергов.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

1. Мюнир-паша был церемониймейстером и переводчиком имперского дивана (госсовета), честным и благородным человеком.

2. Сюрейя-паша был руководителем секретариата Абдул Гамида, избегал подлости, любил добро, был приличный человек.

3. Придворный Эмин-бей, грузин по национальности, был образованным человеком. Султан Абдул Гамид, давая должности и звания многим низким и недостойным людям, вместе с тем не чурался держать возле себя и приличных людей.

4. Придворный Ариф-бей завоевал расположение султана, еще будучи школьником. Недавно бежал в Европу, и хотя возвратился, получив гарантии от преследования, но не сумел обрести былого влияния и почестей. Будь он проклят.

5. Гасан-паша был необразованным, безжалостным человеком. Попавшие в его когти обычно избивались до полусмерти. Что бы он ни творил, оставалось без наказания. Причиной его необычайного возвышения стал Али Саади. Когда произошла эта история с Али Саади, Гасан-паша был жандармским сотником Гасаном-агой, выдвинувшимся из простых жандармов. Гасан-ага, этот дьявол геркулесова сложения, одним ударом дубинки по голове убил Али Саади. Это и послужило причиной его возвышения в глазах Абдул Гамида.

На него как дождь посыпались звания, награды и деньги. Ему поручили надзор за Чираганским дворцом - тюрьмой султана Мурада. Гасан-паша сам отбирал и назначал даже рядовых охранников и жандармов, каждый из которых получал тридцать-сорок золотых ежемесячного жалованья. Гасан-паша был самым доверенным человеком султана Гамида. Сколько бы он не имел - все было ему мало, он не мог насытиться. Умер в восемьдесят лет. Будь он проклят...

6. Зеки-паша первоначально был инспектором военного училища. Потом ему поручили командование Топханы - Пушечного двора. Зеки-паша был одним из главных соглядатаев султана Гамида; дрожал как осиновый лист при появлении султана. Такое его поведение было несомненно притворством. Был он сыном торговца вениками и не представлял из себя ничего - бесполезный мерзавец.

7. Энис-паша был сыном некоего Шакира-аги из Измира, зарабатывавшего на жизнь плетением циновок. В детстве подружился с сыном наместника Измира Эмина Мухлиса-паши, женился на его сестре, дочери наместника, после чего пошел в гору. В высшей степени завистливый, презираемый человек;

ради того, чтобы набить брюхо дармовой едой, мог набиваться в гости даже к простому жандарму. В обществе, среди сослуживцев его презирали. Подвергся позору и надругательствам, последним местом службы был Кастамуни.

8. Джавид-паша был из офицерского корпуса. Долгое время был послом в Цетине. Когда посла в Петербурге маршала Шакира-пашу назначили чрезвычайным наместником Крита, тот забрал Джавида-пашу с собой помощником.

Спустя некоторое время Шакир-паша ушел в отставку. На его место назначили Джавида-пашу, присвоив ему звание маршала. Потом, после отставки Кемаля-паши, стал наместником. Джавид-паша был противником политики султана Гамида и не одобрял беззакония.

9. Недавно Осману-аге был присвоен титул паши, затем он был вызван в К-поль и назначен градоначальником, но ему не позволили вернуться назад. Умер в К-поле.

10. Всем известный под именем Кеса (*безволосый, евнух -прим. пер.*) Реуф-паша был питомцем Мидхата-паши. Это был уважаемый человек, с прогрессивными взглядами. Он провел семь или восемь лет наместником в Алеппо. Недавно чрезвычайный командующий Алеппо и Аданы Али Мохсен-паша и начальник канцелярии Алеппо Али Риза-бей написали донос на него, что, мол, Реуф-паша хочет бежать в Европу.

ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО РАЗДАНА МАДОЯНА

РЕЗЮМЕ

Воспоминания Мустафы Недима изданы на турецком в Стамбуле в 1920-х гг. Предлагаемый вниманию читателя перевод сделан с армянского текста, в свою очередь, переведенного с оригинала. Автор армянского перевода Аршак Шалджян. Армянский перевод впервые опубликован в 1936 г. изд-вом “Масис” в Софии, затем в журнале Совета земляческих союзов армян “Бнорран”, ##1-6 (21-26) 2008-2013 - Раздан Мадоян

SUMMARY

The Memoirs of Mustafa Nedim, ottoman state-man and humanist, were first published in 1920 cc., then in 1936 were translated into Armenian and published in the same year in Sophia (Bulgary). The Memoirs comprise the period from 1890 to 1918, up to the end of the First World War. The present Russian translation was realized from the Armenian translation of Mustafa Nedim's “Memoirs”. The title for the Russian translation is “The Armenian Genocide: My Testimonies”.